

★ ИГОРЬ ЛАНДЕР ★

ПОКУШЕНИЕ НА СТАЛИНА

ДЕЛО ТАВРИНА-ШИЛО

Игорь Ландер

**Покушение на Сталина.
Дело Таврина – Шило**

«Яуза»

2017

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)622

Ландер И. И.

Покушение на Сталина. Дело Таврина – Шило /
И. И. Ландер — «Яуза», 2017

ISBN 978-5-9909915-4-5

6 сентября 1944 г. в поселке Карманово Смоленской области были задержаны П.И. Таврин и Л.Я. Шило. Так закончилась операция немецкой разведки по подготовке убийства И.В. Сталина. До 90-х годов XX века про эту операцию ничего не знали, однако и сейчас она полна тайн и мифов. Новая книга ведущего специалиста по истории спецслужб на основании впервые введенных в научный оборот документов показывает ранее скрытые и неизвестные обстоятельства этого дела и предшествующих ему событий. В то же время автор не только отвечает на множество вопросов, но и ставит новые. Действительно ли немцы рассчитывали на успех операции по устранению И.В. Сталина? На какие именно возможности Таврина — Шило или иных лиц они опирались? Насколько тот мог оправдать их ожидания? Каковы были резервные цели и задачи операции? Из книги читатели почерпнут информацию не только по самой попытке покушения на Вождя народов, но и по множеству смежных вопросов: от организации фельдъегерской службы и постановки паспортного учета в СССР до порядка допроса перебежчиков в вермахте и системы учета агентуры в советских органах госбезопасности.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9909915-4-5

© Ландер И. И., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

От автора	6
Аббревиатуры	13
Обзор литературы	15
Предыстория	42
Переход	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Игорь Ландер

Покушение на Сталина: дело Таврина – Шило

От автора

В истории советских органов госбезопасности есть несколько операций, являющихся своего рода «священными коровами» ведомства. Их всегда именовали образцовыми, безукоризненными, опередившими время и даже вошедшими в учебники истории всех спецслужб мира, как будто кто-то взял на себя труд проверить оглавления каждого из них. На этих операциях воспитывались многие поколения чекистов, они обязательно фигурировали в экзаменационных вопросах по спецдисциплине СД-11 («История советских органов государственной безопасности»), по ним написаны бесчисленные закрытые курсовые проекты, дипломные работы, диссертации, опубликованы закрытые и открытые книги и журнальные статьи, сняты фильмы. Их, безусловно, позволялось разбирать, анализировать и даже критиковать – но лишь слегка, да и то преимущественно в недоступных широкой публике изданиях. «Священная корова» на то и священна, что при всех обстоятельствах она остается непогрешимой, и мелкие пятнышки на априори безупречной шкуре не в силах затмить ее главную светлую суть.

Таких операций не так уж много. Любой мало-мальски знакомый с темой читатель без труда назовет раскрытие «заговора послов», операции «Трест», «Синдикат-2», «Монастырь»/«Березино»/«Курьеры» и еще несколько наименований из того же списка. Рассматриваемая в данной книге история к таковым не относится и стоит особняком, хотя бы потому, что она не являлась операцией как таковой, однако в официальной и околоофициальной истории упоминается весьма часто и всегда в положительном ключе.

Речь идет о знаменитой сорванной 5 сентября 1944 года попытке покушения германской спецслужбы на Верховного Главнокомандующего Красной Армии И. В. Сталина. «Парадная» версия событий, впервые обнародованная в открытых источниках в 1965 году, до настоящего времени изменилась не слишком. Канва излагается следующим образом: саратовский бухгалтер-растратчик (или, по другой версии, проигравшийся в карты нежинский инспектор-растратчик) Петр Иванович Шило, в 1932 году совершивший побег из следственного изолятора, позднее еще дважды арестовывавшийся и вновь дважды бежавший, в августе 1941 года под именем Петра Ивановича Таврина был призван в Красную Армию, где дослужился до звания старшего лейтенанта и должности командира пулеметной роты. В мае 1942 года контрразведка заподозрила его в использовании чужой фамилии. Узнав об этом, в страхе перед неминуемым разоблачением он ушел в разведку через линию фронта, перебежал к немцам и после пребывания в лагерях военнопленных был завербован разведывательно-диверсионным органом СД «Цеппелин». После завершения подготовки технологично экипированный Шило-Таврин (портативный гранатомет скрытого ношения, известный как «Панцеркнакке», радиоуправляемая мина, пистолет с отравленными разрывными пулями) вместе с женой Лидией Шиловой (Адамчик) в ночь на 5 сентября 1944 года вылетел в район Ржева на специальном транспортном самолете. Штурман сбился с курса, самолет попал под огонь зенитных батарей и совершил вынужденную посадку в Кармановском районе Смоленской области. Террористы выкатили наружу оставшийся неповрежденным мотоцикл, загрузили его снаряжением и отправились в Ржев, откуда планировали попасть в Москву. Однако по дороге их остановил патруль, поднятый по тревоге после получения

сообщения об обстреле и посадке немецкого самолета. Не оказавшие сопротивления Таврин и Шилова были раскрыты, задержаны и прямо на месте дали признательные показания. После этого их отправили в Москву, где задействовали в радиоигре с «Цеппелином», а в 1952 году судили и расстреляли.

Примерно такое краткое содержание «дела Таврина» обычно приводится в канонических источниках. Уже отмечалось, что операцией как целенаправленным и связанным комплексом оперативных мероприятий дело это не является, хотя отдельные авторы иногда классифицировали его именно так. В сравнении с изощренными агентурно-оперативными комбинациями срыв покушения выглядит весьма примитивно, да и попал он на периферию заповедника «священных коров» единственно по причине уж очень крупной цели, на которую немцы нацеливали своего агента. Впоследствии, вероятно, к последнему фактору добавилось также и пребывание на высоком посту заместителя председателя КГБ СССР с 21 ноября 1978 по 1 августа 1983 года Г. Ф. Григоренко, в прошлом активного участника радиоигры с использованием фигурантов этого дела. Увы, согласно опубликованным документам, произошло все до обидного банально, без каких-либо изощренных оперативных ходов и комбинаций. Поимка террористов не имела даже такого элементарного и неперменного атрибута любой операции, как собственное кодовое обозначение¹. Более добросовестные исследователи, как правило, воздерживались от неумеренных похвал оперативному мастерству советской контрразведки в данном случае, поскольку понимали случайность этого важного успеха.

Близкая к официальной историография тщательно стремилась повысить рейтинг этого незатейливого события и приукрасить его, для чего к ней весьма неубедительно пристегивались некие акции зафронтной и даже внешней разведки. В результате у читателей создавалась иллюзия ключевой роли органов госбезопасности в аресте террористов, не ограничивавшейся заградительной службой, а являвшей собой высокий образец оперативного мастерства. Помогало это мало, но интерес широкой общественности неизменно подогревался публикацией фотографий необычного самолета «Арадо», знаменитого «Панцеркнакке» и экзотического пистолета «Веблей-Скотт» с отравленными разрывными пулями.

В 2000 году, когда неофициальные критики истории госбезопасности уже окончательно перестали опасаться опубликовать что-нибудь слишком неканоническое, «дело Таврина» начали подвергать ревизии. Обнародованные документы оказались не вполне безупречными, логические схемы не увязывались, и самые радикальные исследователи договорились даже до утверждений о полной фальсификации всей этой истории. Иногда их замечания были вполне обоснованными, иногда же являли собой печальные примеры огульного и необоснованного критицизма. Именно в это время я работал над написанием своего изданного в 2007 году трехтомника «Негласные войны. История специальных служб. 1919–1945» и, естественно, заинтересовался поиском истины. Масштаб книги не позволял тогда полностью вникнуть в мельчайшие детали действительных событий, но даже поверхностный просмотр имевшихся материалов вызвал массу сомнений. А при ближайшем изучении обнаружившееся количество нестыковок и необъяснимых моментов превзошло все мыслимые пределы. Даже если принять во внимание, что все это происходило в туманной сфере секретных служб, да еще и в военное время, следует признать, что простые объяснения здесь неприменимы. Подробное исследование привело меня к любопытному и неожиданному заключению о том, что хотя существовавшая полуофициальная версия и не отражает реальный ход событий, но мы имеем дело отнюдь не с банальной фальсификацией. «Дело Таврина» является прекрасным и интересным примером борьбы спецслужб. Увы, равно как

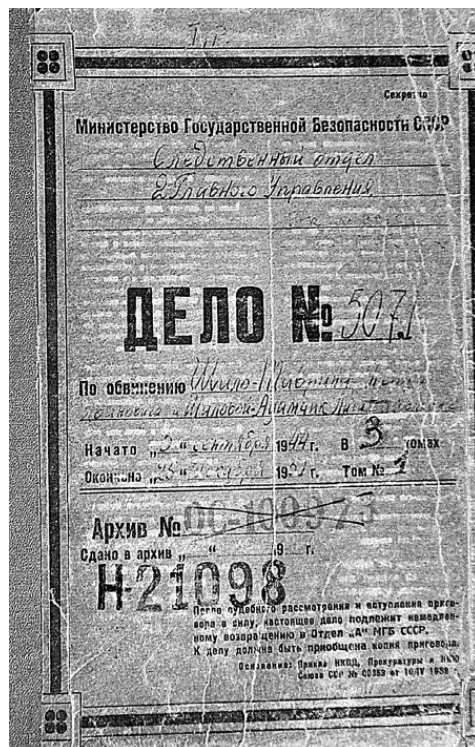
¹ Речь идет об отсутствии кодового обозначения операции по розыску террористов. Естественно, последующая радиоигра соответствующее кодовое обозначение имела.

и наглядным образцом методики, по которой разведка и контрразведка фабрикуют приемлемую для обнародования версию и скрывают под ней реальные события.

Как ни странно, получить доступ для изучения исходных материалов оказалось очень трудно. Несмотря на благосклонный прием моей предыдущей книги в мире спецслужб СНГ, несмотря на прекрасные личные отношения со многими действующими и отставными офицерами и генералами, несмотря на отсутствие предубежденности ко мне и наличие официальных ходатайств, архивы долгое время оставались наглухо закрытыми. Первым «сдался» Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), по материалам которого некоторые аспекты первоначальной концепции были уточнены, некоторые пришлось полностью переработать, а некоторые обрели новое, неожиданное прочтение. В том же ЦАМО обнаружились крайне любопытные материалы о финальной стадии полета немецкого самолета, доставившего агентов через линию фронта.

А вот получить доступ к архивным материалам ФСБ, несмотря на помощь ряда весьма высоких ее руководителей, оказалось куда сложнее. Управление регистрации и архивных фондов (УРАФ) Федеральной службы безопасности РФ стояло насмерть, и я, вопреки всем заявлениям в прессе представителей ФСБ о его рассекречивании, так и не смог увидеть все три тома следственного дела № 5071 (архивный № Н-21098) в полном объеме, в том числе и столь важные документы, как обвинительное заключение и приговор, не говоря уже о намного более закрытых томах дела оперативного сопровождения следствия. Это, к сожалению, стало одной из существенных причин того, что отдельные утверждения в тексте носят предположительный характер.

Мне было позволено заглянуть только в некоторые документы и задать вопросы нескольким офицерам, ранее работавшим с данным делом. Увы, ответы удовлетворили меня далеко не в полной мере, поскольку в некоторых из них я сразу же заметил серьезные неточности. По данной причине использовать остальные в условиях отсутствия допуска к документам было рискованно. Несколько раз это подтверждалось весьма явно. К примеру, в проверочных материалах Главной военной прокуратуры РФ по данному делу присутствует упоминание о допросе в качестве свидетеля по данному делу Г. М. Жиленкова, хотя ранее на мой вопрос об этом мне без тени смущения ответили, что таковой не допрашивался. О причинах столь ревностного отношения к защите давно не актуальных материалов можно только догадываться. Присутствие каких-либо оперативных секретов в уголовном деле маловероятно, поэтому остается лишь предполагать наличие в нем неких тайн следствия, ознакомление с которыми посторонних лиц является нежелательным, очевидно, в силу того, что это самое следствие они никак не красят.

Обложка судебно-следственного дела № 5071 (архивный № Н-21098). Том № 1

Как видим, данное препятствие было преодолено не полностью, хотя и не сохранило абсолютную неприступность. Действительно недоступными (и это правильно и вполне естественно!) остались для меня личные дела агентуры, подробности дела литер «Э» № 308 (радиоигра «Туман»), тюремные книги внутренней тюрьмы НКГБ/МГБ СССР за 1944–1952 годы и канувшие в неизвестность материалы Особого отдела 359-й стрелковой дивизии за май – июнь 1942 года. Последние, надо полагать, где-то хранятся, но проследить их мне не удалось. Впрочем, рассчитывать на извлечение оттуда особо интересной и важной информации было бы трудно. Неожиданно весьма полезными и информативными оказались послевоенные следственные дела МГБ по немецкой агентуре, в результате изучения которых появилась возможность объективно оценить многие показания Таврина на допросах в НКВД и НКГБ.

Как ни странно, легким оказался доступ к документам вермахта и РСХА. Невозможно удержаться от упрека в адрес многочисленных исследователей истории тайной войны на советско-германском фронте, сетовавших на то, что документы разведоргана «Цеппелин» и его подразделений почти полностью исчезли где-то в недрах спецслужб США и недосыгаемы для отечественных авторов. Судя по всему, историки просто слабо старались. В Российском государственном военном архиве (РГВА) имеется фонд 500 – бывшие материалы Государственного (Особого) архива, в котором документы РСХА и, в частности, СД сведены в опись 1. Они легко достигаемы, там хранятся 39 личных дел сотрудников этого разведоргана и некоторые материалы по его хозяйственной деятельности. Вполне естественно также, что документы «Цеппелина» можно увидеть в Германии, причем тоже в свободном доступе. В филиале Бундесархива в Берлин-Лихтерфельде имеются две описи, R70 Sovjetunion/33 и R70 Sovjetunion/34. Достаточно просто добыть и третью часть документов «Цеппелина» из ныне существующих. Она находится в США, в отделении Национальной администрации архивов и документов (НАРА) по адресу: NND 856014 XE003374 Operation ZEPPELIN [RSHA anti-Russian operation] (in the Box # 6). Разрозненные материалы СД очень фрагментарно представлены и в отделении Бундесархива в Хоппегартене, более известном как

«Архив Штази». Надо признать, что тщательное изучение всех перечисленных фондов огорчило меня из-за отсутствия в них упоминания о фигуранте данного расследования. Однако масса добытых там сведений общего характера о «Цеппелине» позволила по-новому взглянуть на самую оперативную деятельность этого разведоргана. Многие сведения о нем вводятся в данной книге в научный оборот впервые.

Но некоторое разочарование от материалов РСХА было с лихвой компенсировано изучением документов вермахта. Даже попавшие в руки советских органов государственной безопасности скромные лагерные карты военнопленного Петра Ивановича Шило-Таврина содержали, как выяснилось, немало очень полезной и отчасти неожиданной информации. Ряд штрихов к повествованию добавило изучение материалов из архивов эскадры специального назначения люфтваффе KG200. Подлинным кладом информации оказались материалы Военного архива (Милитэрархив) Бундесархива ФРГ, содержащие десятки листов, касавшихся показаний перебежчика Таврина. Материалы разведотделов (1ц) четырех дивизий вермахта (6-й, 26-й, 251-й и 256-й пехотных) и одной дивизии ваффен-СС («Дас Райх»), XXVII и VI армейских корпусов и 9-й полевой армии позволяют детально проанализировать их и сделать весьма важные выводы. Ряд трофейных материалов оказался опять-таки в НАРА, мною были изучены и они.

Одного только изучения архивных материалов оказалось недостаточно, написание книги потребовало глубоко разобраться в целой веренице разнообразных крупных и мелких вопросов. Потребовалось уяснить детали бронированного действия кумулятивных боеприпасов, методику учета офицерского состава Красной Армии в 1942 году, обстоятельства награждения полководческими орденами руководителей военной контрразведки СССР, нюансы повседневной работы войсковой разведки, систему подготовки командиров запаса в 1930-е годы, постановку работы с советскими перебежчиками в вермахте и СД, различные аспекты сотрудничества НТС с германскими спецслужбами, боевой путь 359-й стрелковой дивизии Красной Армии, состав и дислокацию войск Калининского фронта, организацию ПВО и, в частности, службы ВНОС в Московской и Смоленской областях, дорожную сеть и расположение давно исчезнувших с карты деревень на стыке этих же областей, послевоенные следственные дела МГБ СССР по германской агентуре, обстановку на Калининском фронте зимой и весной 1942 года, правовую сторону привлечения к радиоиграм проверенных агентов, организацию досмотра гостей торжественных мероприятий с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) и многое другое.

Перечисленное позволяет ответственно заявить, что представляемое читателям авторское расследование «дела Таврина» опирается на достаточно солидную документальную базу.

В предисловиях принято давать краткую оценку новизне и актуальности исследования. Не будем отступать от давнего правила и уделим несколько строк этим вопросам. В отношении новизны приводимых фактов и сделанных выводов предлагаемая читателю книга, по моему мнению, существенно отличается от предыдущих работ на ту же тему. Помимо изучения ранее не вводившихся в научный оборот документальных материалов ЦАМО, имеющих отношение к «делу Таврина», а также массы германских документов, в ней впервые сделаны комплексные выводы о качестве подготовки Таврина в «Цеппелине» и предполагаемых целях этого разведоргана в данной операции. Кроме того, несмотря на то, что о деле писали, в том числе и бывшие работники спецслужб, никто не попытался взглянуть на него глазами профессионального контрразведчика или следователя, что в данной ситуации было бы более чем полезно. Поэтому такой ранее не учитывавшийся аспект изучения дела тоже является новым.

На актуальности предлагаемого исследования следует остановиться особо. Как ни странно, спустя много десятков лет после описанных в нем событий она продолжает оставаться высокой и с годами лишь нарастает. И дело здесь не только в присутствующем в современном обществе значительном интересе к различным аспектам истории Великой Отечественной войны вообще и роли в ней спецслужб в частности. Непредвзятый анализ публикаций по данному вопросу, выходявших под явным патронатом сначала КГБ СССР, а затем ФСБ РФ, в сочетании с упорным нежеланием данных организаций обнародовать существенные архивные материалы из, казалось бы, давно не представляющих оперативного интереса дел, заставляет задуматься о причинах такой последовательной линии поведения. Честно говоря, особых резонансов для нее не усматривается. Рассекречиванию давно подвергаются куда более деликатные «дела давно минувших дней», не усматривается тут и возможность компрометации каких-либо персон. Однако полагать, что такие действия продолжаются просто по инерции, сложно. Ведь неспроста же различные допущенные к архивам КГБ/ФСБ авторы с завидной периодичностью обнародуют в прессе, фильмах и литературе заведомо ложные данные, которые невозможно почерпнуть из материалов дела. Это свидетельствует о том, что данная история и по сей день не дает кому-то покоя и потому вполне заслуживает внимания исследователей, которым предстоит выяснить причину этого явления. Надеюсь, в предлагаемой книге читатель найдет для себя убедительный ответ на данный вопрос.

При написании работы мне помогали самые различные люди, которым я хочу высказать глубокую благодарность. Далее они перечисляются не по степени полезности, а в произвольном порядке. Я заранее прошу прощения у тех, кого я не упомянул в приведенном списке, поскольку множество людей из самых разных городов и стран совершенно бескорыстно предлагали мне свою помощь, старались оказаться полезными и по мере сил внести свой вклад в добывание материалов и данных для исследования или в интерпретацию фактов.

Крайне полезной оказалась организационная и консультативная помощь, полученная мной от кинодокументалиста А. Я. Кудакаева (Москва), энтузиаста военной истории и архивных поисков Д. П. Герасимука (Москва, фирма «Патриот-34»), увы, уже ушедших из жизни И. И. Васильева и В. П. Ямпольского (Москва, Общество изучения истории отечественных спецслужб), И. Н. Шкляева (Одесса, Национальный университет им. И. И. Мечникова), З. А. Валяева (ветеран СМЕРШа), К. И. Батраевой (ветеран разведки 1196-го стрелкового полка).

С признательностью хочется отметить энтузиазм в оказании содействия со стороны жителей Смоленска и Гагарина (бывший Гжатск) Смоленской области: А. А. Соловьева, редактора гагаринской городской газеты «Гжатский вестник» С. Ю. Кокоттиной, начальника отдела общественных связей аппарата администрации Смоленской области В. А. Кононова, поисковой группы «Рейд» г. Гагарин, краеведа и поисковика А. А. Арсентьева, администратора сайта о городе Гагарине А. Б. Хрисанфова.

Весьма активное участие в изучении ситуации вокруг Ржева в 1942 году приняла Л. Шейбе (Лейпциг), она же подобрала некоторые полезные источники информации.

Немецкий след в «деле Таврина» помогал отслеживать историк из ФРГ Хельмут Рёвер, ранее возглавлявший Ведомство по охране конституции Тюрингии.

Доброжелательно и с готовностью помогал разбираться с вопросами, касающимися территории Украины, главный специалист МЧС Украины Л. В. Панюшкин.

Предвоенную киевскую ситуацию помог изучить главный редактор издательского дома «Секретные материалы» А. О. Гоженко (Киев).

С готовностью давали свои консультации российские историки К. М. Александров и С. Г. Чуев.

Я благодарен киевскому переводчику В. Крюкову, прекрасно ориентирующемуся в теме спецслужб и обладающему ироничным, критическим и трезвым умом. Я регулярно «обкатывал» на нем некоторые свои умозаключения, и реакция Виталия нередко помогала мне укрепиться в них или же соответствующим образом пересмотреть. Это не говоря уже о том, что без него разобраться с зачастую почти нечитаемыми немецкими документами мне было бы намного сложнее.

Особый, совершенно неоценимый вклад в предлагаемое читателям авторское исследование внес бывший советник правового управления правительства Воронежской области А. А. Маршев, которому я глубоко признателен за исключительно ценные советы и мнения, во многом способствовавшие улучшению первоначальной концепции и натолкнувшие на необходимость исследования ряда второстепенных, но только на первый взгляд, деталей. Как известно, «дьявол таится в мелочах», и без регулярного обмена мнениями и споров с Алексеем Алексеевичем предлагаемая читателям книга наверняка была бы менее полной и убедительной. В результате творческого и, надеюсь, интересного для обеих сторон диалога я отказался от некоторых версий, укрепился в других, выбирал новые направления поиска. А. А. Маршева без преувеличения можно считать закулисным соавтором данного исследования, за что я ему глубоко признателен.

Хочется отметить бескорыстную и очень полезную помощь со стороны работников ряда архивных учреждений России и Украины: А. А. Капустина (Управление архивов Свердловской области), А. А. Голубевой (архивный отдел с. Починки Нижегородской области), А. А. Герасимова и Ю. Б. Щеглова (Государственный архив новейшей истории Саратовской области), Л. И. Кудрявцевой (Российский государственный военный архив), Н. М. Полетун (Государственный архив Черниговской области).

Кроме того, меня консультировал ряд действующих сотрудников некоторых спецслужб и правоохранительных органов Украины, Беларуси и Российской Федерации, не позволивших обнародовать их имена. Уважая право этих людей на конфиденциальность, я хочу поблагодарить их всех и надеюсь, что когда-нибудь обстоятельства позволят мне назвать их поименно.

Цитаты из первоисточников помещены без изменений в орфографии и синтаксисе оригиналов.

Аббревиатуры

БУП – боевой устав пехоты
ВВП – высшая вневойсковая подготовка
ВКШ – Высшая Краснознаменная школа КГБ СССР
ВМН – высшая мера наказания
ВНОС – Служба воздушного наблюдения, оповещения и связи
ВПШ – Высшая пограничная школа
ВУС – (1) военно-учетная специальность, (2) военно-учетный стол
ГБ – госбезопасность
гв – гвардейская
ГВП – Главная военная прокуратура
ГИАЦ – Главный информационно-аналитический центр
ГКО – Государственный комитет обороны
ГУББ – Главное управление по борьбе с бандитизмом
ГУК – Главное управление кадров
ГУКР – Главное управление контрразведки
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ГУМ – Главное управление милиции
ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных
ГУФиУВ – Главное управление формирования и укомплектования войск
ГФП – тайная полевая полиция
ДКУА – дополнительная карточка учета агентуры
ЗА – зенитная артиллерия
ЗАБ – зенитно-артиллерийская батарея
ЗАД – зенитно-артиллерийский дивизион
зап – запасный артиллерийский полк
ЗПл – зенитно-пулеметный
зсбр – запасная стрелковая бригада
зсп – запасный стрелковый полк
ЗФ – Западный фронт
ИНК – Индийский национальный конгресс
к/к – крупнокалиберный
КОНР – Комитет освобождения народов России
КРО – контрразведывательный отдел
КФ – Калининский фронт
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МВД – Министерство внутренних дел
МВС – Министерство вооруженных сил
МГБ – Министерство государственной безопасности
МЗА – малокалиберная зенитная артиллерия
МПВО – местная противовоздушная оборона
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НК ВМФ – Народный комиссариат Военно-Морского Флота
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НКО – Народный комиссариат обороны
НП – наблюдательный пункт
НТС – Национально-трудовой союз

НТСНП – Национально-трудовой союз нового поколения
ОББ – Отдел по борьбе с бандитизмом
ОВК – областной военный комиссариат
ОГБ – органы государственной безопасности
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОКВ – Верховное командование вермахта
ОКХ – Верховное командование сухопутных войск
ОМА – Особая Московская армия ПВО
ОО – Особый отдел
ОТ ДКА – охрана тыла Действующей Красной Армии
ОУН – Организация украинских националистов
ПВО – противовоздушная оборона
ПЦБ – Политический центр борьбы с большевизмом
РВК – районный военный комиссариат
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РО – районный отдел, районное отделение
РОА – Русская освободительная армия
РОВС – Русский Обще-Воинский Союз
РСХА – Главное управление имперской безопасности
РТНП – Русская трудовая народная партия
сбр – стрелковая бригада
СБУ – Служба безопасности Украины
СД – Служба безопасности
СД-аусланд – Служба внешней безопасности
СД-инланд – Служба внутренней безопасности
сд – стрелковая дивизия
СНК – Совет народных комиссаров
СОЕ – Исполнительный орган специальных операций
сп – стрелковый полк
СПО – секретно-политический отдел
тбр – танковая бригада
УК – Уголовный кодекс
УКГБ – областное управление КГБ
УКР – управление контрразведки
УНКВД – областное управление НКВД
УНКГБ – областное управление НКГБ
УОО – Управление особых отделов
УПК – (1) учетно-послужная карточка, (2) Уголовно-процессуальный кодекс
УПО – Украинский пограничный округ
ФХО – Отдел ОКХ «Иностранные армии – Восток»
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ШОН – Школа особого назначения
ЮЗФ – Юго-Западный фронт

Обзор литературы

В самом начале этой главы автору хочется попросить не пропускать ее, как многие читатели часто делают это с аналогичными разделами. Данный обзор не только призван показать состояние дел по освещению рассматриваемой истории в печатных и иных источниках, но выполняет и аналитическую задачу, без него будет сложно понять ряд сделанных в последующих главах выводов. Хочется надеяться, что эта просьба будет воспринята положительно.

О так называемом «деле Таврина» написано и снято немало, причем с годами поток публикаций не только не затихает, но, наоборот, нарастает. Следует, однако, отметить, что ни в отечественной, ни тем более в иностранной литературе ему не была посвящена ни одна монография, зато трактующие его отдельные главы или их фрагменты встречаются достаточно часто. При этом действительно заслуживающих внимания и анализа работ на эту тему весьма мало, поскольку авторы различных публикаций в основном повторяют друг друга, а зачастую и откровенно фантазируют без документальных оснований. Вообще же все печатные и телевизионные источники в данном случае можно разделить на две большие группы. Первая из них просто излагает ту или иную версию событий, по мнению их авторов, наиболее близкую к реальности, а вторая включает в себя критические и, так сказать, разоблачительные работы. Разберем основные из них и сразу отметим абсолютное отсутствие каких-либо официальных печатных материалов на сей счет. Все опубликованное никогда и нигде не позиционировалось в качестве официальной точки зрения ведомства госбезопасности по данному делу и всегда представляло собой точку зрения отдельных авторов, вне зависимости от степени их близости с КГБ/ФСБ. При этом, однако, следует помнить, что в советский период ни одна публикация на чекистскую тему не выпускалась в свет без соответствующей санкции органов госбезопасности, которые чаще всего сами и инициировали их появление. Доверенных писателей, журналистов, сценаристов знакомили с обзорными справками по делам (давали основу) и высказывали пожелания по содержанию будущего произведения. И колебания версий в публикациях советского времени нельзя воспринимать иначе, нежели колебания точки зрения самого КГБ на данный вопрос. При этом ни в одном случае ведомство не высказало свое мнение непосредственно. Можно не сомневаться, что для такого дистанцирования существуют веские причины.

Рассмотрим теперь непосредственно сами публикации. Периодическая печать в данном вопросе существенно опередила книги. В майском номере журнала «Вопросы истории» за 1965 год появилась посвященная 20-летию Победы статья «Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны» (без указания автора). В ней наряду с рассказом о провале германской агентурной операции «Ульм» описывается также и рассматриваемая нами неудачная попытка покушения, изложенная очень кратко и без указания фамилий.

Несколько больший интерес представляет публикация документального рассказа писателя А. П. Беляева и сотрудников КГБ Б. Сыромятникова и В. Угриновича «Провал акции «Цеппелина» в декабрьских номерах (26, 28–30) газеты «Красная звезда», за тот же 1965 год. Пять лет спустя он в почти не измененном виде под названием «Провал акции Цеппелин» будет издан в тематическом сборнике «Фронт без линии фронта»² и станет первым обнаруженным автором описанием попытки покушения в открытых неперIODических источниках.

² Беляев А., Сыромятников Б., Угринович В. Провал акции Цеппелин // Фронт без линии фронта: Сборник. М: Москов-

И в рассказе, и в очерке уже упоминался разведывательно-диверсионный орган СД «Цеппелин», но все еще умалчивалось о Верховном Главнокомандующем Красной Армии И. В. Сталине как объекте покушения. Авторы, ссылаясь на изученное уголовное дело, рассказывали об основных вехах акции и при этом, увы, повсеместно вставляли вымышленные диалоги и использовали некоторые другие художественные приемы. В основном повествовалось о пребывании у немцев «Политова» и подготовке его к акции, публикацию сопровождали три фотографии из следственного дела. В ряде деталей рассказ существенно отличался от позднейших версий (в частности, отсутствовало упоминание о Жиленкове, «Политов» якобы просился заниматься политической разведкой, но СД сама определила ему направление террора, впервые упоминалось задержание немецких летчиков и гибель одного из них при захвате, а также в уста ответственного работника «Цеппелина» вкладывалась фраза о наличии у агента знакомств среди обслуживающего персонала советской Ставки ВГК). С фактологической точки зрения, рассказ имеет как некоторые положительные по сравнению с последующими публикациями, так и отрицательные стороны. К положительным можно отнести правильное и почти точное название модели самолета «Арадо 232» (вместо канонического «Арадо» Аг-232), что в дальнейшем встречалось крайне редко, практически точную транслитерацию фамилии начальника восточного отдела СД-аусланд (Грефе) и некоторые другие верные факты, например, указание модели использовавшегося Тавриным мотоцикла (М-72). К сожалению, список неточностей значительно обширнее. Более того, создается отчетливое ощущение того, что авторы сами документы в руках не держали, а только читали подготовленную для них справку по делу. В частности, они именовали террориста Политовым и отмечали лишь, что он использовал фамилии Шило и Таврин. Подобную ошибку не может допустить автор, работавший с подлинным документом, поскольку на обложке судебно-следственного дела № 5071 ясно указываются фамилии Шило и Таврин, а Политова нет и в помине. Вероятно, режимными ограничениями того периода времени обусловлено отсутствие в тексте терминов «СМЕРШ» и «НКГБ». Без излишних подробностей сообщалось, что диверсанты были заброшены с документами на имя офицеров Красной Армии, и не более того. Однако в книжном очерке это стремление к сохранению секретности выглядит довольно забавно, поскольку на помещенной в конце книги фотокопии одного из документов название ГУКР «СМЕРШ» читается вполне отчетливо. Кстати, на этой же фотокопии ясно видно, что Шилова имела документы прикрытия с указанием звания «младший лейтенант административной службы», но авторы по неизвестной причине зачем-то перевели ее в медицинскую службу. Вероятно, это произошло не преднамеренно, а явилось следствием банальной ошибки. Отметим, кстати, что к арестованным агентам понятие «диверсант» не относилось и было ошибочно применено вместо термина «террористы». Впрочем, эту неточность впоследствии допускали весьма многие, причем абсолютно необоснованно.

Авторы впервые озвучили версию о добытой советской разведкой информации относительно пошива странного кожаного пальто «русского покроя» по заказу СД в рижской пошивочной мастерской, причем, в отличие от последующих публикаций, якобы не с ушренным, а с удлиненным правым рукавом. Зачем его надо было удлинять, они не уточнили, зато подчеркнули, что советского агента насторожила также просьба сделать с левой стороны не один карман, а два. Что в этом могло оказаться подозрительным, непонятно.

Беляев, Сыромятников и Угринович впали в то же заблуждение, что и многие их последователи, и сообщили об обнаружении в мотоцикле задержанных агентов 7 пистолетов, радиостанции и портативного гранатомета «Панцеркнакке». Кстати, в материале описывалась многократная стрельба «Политова» на полигоне из этого оружия, в процессе которой гранаты якобы уходили к цели со «змеиным шипением». Надо полагать, авторы совершенно

не представляли себе грохот от выстрелов гранат с вышибным зарядом и путали их с ракетами для фейерверков.

Само задержание правильно относится на счет начальника Кармановского райотделения³ НКВД Ветрова, по утверждению авторов, обратившего внимание на сухую одежду водителя и пассажирки мотоцикла, якобы ехавших несколько часов под дождем.

Один из самых серьезных недостатков материала никоим образом нельзя поставить в вину его создателям. Идеологические установки описываемого периода требовали стараться вообще не упоминать Сталина, а уж если этого избежать не удавалось, то изображать его полагалось только в негативном ключе. Стремление СД физически устранить Верховного Главнокомандующего однозначно свидетельствовало о важности этой фигуры, а потому упоминания не заслуживало, и объектом планировавшегося покушения в очерке расплывчато указывались некие безымянные «руководители Ставки Верховного Главнокомандования».

Несмотря на все неточности, следует отдать должное авторам, впервые опубликовавшим развернутый материал о несостоявшемся «покушении века». Тем не менее и рассказ, и очерк не вызвали особого резонанса и остались почти что не замеченными широкой публикой. Причина этого, возможно, кроется в ограниченной аудитории газеты «Красная звезда» и в относительной «локальности» выпустившего сборник издательства «Московский рабочий», а также в отсутствии сенсационности очерка из-за умолчания о Сталине как объекте покушения.

В 1966 году данный очерк был опубликован в № 5 (185) «Библиотечки “Красной звезды”», с сопровождением небольшого рассказа очевидца данного события подполковника Н. Мартынова «Как выглядел “Арадо 332”».

Как ни странно, одно из первых обнаруженных автором описаний «дела Таврина», в котором его еще не называли этой фамилией, было опубликовано хоть и в СССР, но не на русском языке. Издававшийся на десятке языков мира журнал «Советский Союз» летом 1967 года поместил на своих страницах большую статью – но автор смог обнаружить ее только в немецком варианте издания. На русском языке она так и не появилась. В том же 1967 году эту статью со своими комментариями (уточнение марки самолета и т. д.) перепечатал немецкий еженедельник «Der Spiegel»⁴. Статья достаточно расплывчата. В ней сообщалось, что некий Политов, живший в Украине, Башкирии и Ташкенте под фамилиями Шилдо (именно так. – *И. Л.*), Гаврин и Серков, в предвоенное время совершил растрату и проживал по фальшивым документам, с началом войны был призван в армию и в мае 1942 года перебежал к противнику, где был завербован для совершения теракта. В статье в первый раз появилась ошибочная информация о постройке самолета «Арадо» якобы специально для данного покушения. Назывались руководители подготовки «Политова» – Краусс, Палбицын (якобы разыскивавшийся за изнасилование и убийство) и Делле. Раскрытие теракта приписывалось действиям советской агентуры в Риге, заградительным мероприятиям в районе приземления самолета (подчеркивалось, что посадка прошла без осложнений) и сухой одежде агентов в дождливую погоду. Судьба арестованных не конкретизировалась.

Резонанс данной публикации за рубежом, к сожалению, неизвестен, однако не исключено, что она послужила толчком к первому упоминанию «дела Таврина» иностранным

³ В опубликованной литературе Ветрова часто именуют начальником Кармановского райотдела (РО) НКВД. В действительности в Карманове НКВД имел не отдел, а более низкий по иерархии орган – отделение, подчиненное Гжатскому районному отделу (при этом и райотдел, и райотделение сокращаются одинаково – РО). В целях единообразия далее по тексту Ветров везде именуется начальником именно отделения, хотя авторы цитируемых книг и статей практически никогда не называли его должностью правильно.

⁴ «Zeppelin» plante die Ermordung Stalins // Der Spiegel. 1967. № 30.

автором. В начале 1971 года практически одновременно в Лондоне и Нью-Йорке вышла книга под названием «Гелен: шпион столетия»⁵. Ее автором являлся довольно популярный к тому времени журналист и литератор Эдуард Хенри Кукридж, одна из книг которого, кстати, задолго до того вышла в «Воениздат» и была хорошо известна в СССР⁶. Откуда автор взял свою, совершенно специфическую информацию о миссии Таврина, сказать трудно, а сам он был личностью в достаточной степени загадочной. В действительности Е. Х. Кукридж – один из псевдонимов этнического грека Эдуарда Спиро, родившегося в 1908 году в Вене в семье Пауля и Розы Кукридж Спиро. После окончания курса обучения в университетах Вены, Лозанны и Лондона он работал иностранным корреспондентом и редактором ряда британских и американских газет, а потом диктором в радиокорпорациях ВВС и АВС. Использовал псевдонимы Питер Лейтон, Питер Морланд, Рональд Рекитт и Эдуард Х. Спайр. С началом Второй мировой войны будущий писатель был зачислен на службу в военную разведку Великобритании⁷.

Точка зрения Кукриджа в дальнейшем тиражировалась многими западными авторами. Чтобы составить о ней полное представление и не тратить много печатного пространства, целесообразно привести главу из другой книги, где она представлена достаточно точно, хотя и в сжатом виде:

«Одним из завербованных в лагерях был Петр Таврин, захваченный в плен в районе Ржева в мае 1942 года. Он согласился стать агентом ФХО⁸, несмотря на свои высокие советские награды и, судя по всему, безукоризненный послужной список. Он был заброшен обратно на советскую сторону, и после тщательного, основательного допроса в НКВД (к которому Гелен подготовил его) он был возвращен в кадры Красной Армии. Гелен не разочаровался в своих больших надеждах на Таврина, и на протяжении следующих двух лет Таврина вновь наградили и продвинули по службе. Таврин занимал ряд высоких постов в советском Министерстве обороны, в Ставке, и получил звание полковника. Затем он был зачислен в штаб выдающегося маршала Ивана Черняховского на Брянском фронте, к югу от Москвы. Таврин передавал по радио регулярные, подробные и исключительно ценные сообщения, имевшие огромное значение для способности германских войск отражать наступления Красной Армии или переходить в контрнаступление. В августе 1944 года Таврин радировал в ФХО о своих опасениях относительно попадания под подозрение НКВД, и Гелен, продемонстрировав исключительную верность своему русскому агенту, с готовностью согласился направить самолет для его эвакуации. Таврин и его жена выехали 5 сентября на встречу с самолетом «Мессершмитт», который послал Гелен. Однако во время поездки на мотоцикле пара была остановлена патрулем, обнаружившим в их багаже немецкую радиостанцию и шифры, записанные на папиросной бумаге в подкладке пальто Таврина. Таврин понял, что игра окончена, и признался, что является германским шпионом. Его увезли для пыток и допроса. Таврин и его жена, как выяснили в ФХО в результате тщательного изучения советской прессы, были расстреляны вскоре после ареста. Гелен сожалел об утрате столь ценного агента, как Таврин, и отметил, что добытые им сведения имели высочайшую ценность и заполнили три пухлые папки в растущем архиве ФХО»⁹.

⁵ *Cookridge E. H. Gehlen: Spy of the Century*. London: Hodder & Stoughton, 1971; *Cookridge E. H. Gehlen: Spy of the Century*. New York: Random House, 1971.

⁶ *Кукридж Е. Х. Тайны английской секретной службы*. М.: Воениздат, 1959.

⁷ Точнее, Эдуард Спиро числился по штату военной разведки, однако в реальности служил в другой британской спецслужбе – «Исполнительном органе специальных операций» (COE).

⁸ Аббревиатура отдела «Иностранные армии Востока» («Fremde Heere Ost») – оперативной разведки сухопутных войск Германии.

⁹ *Jørgensen, Christer. Hitler's Espionage Machine. The True Story Behind One of the World's Most Ruthless Spy Networks*. The Lyons Press, Guilford, CT, 2004. P. 126.

Сразу отметим, что в очерке из журнала «Советский Союз» не фигурировали ни фамилия Таврин, ни Ржев в качестве пункта перехода будущим террористом линии фронта, и откуда они появились в западных публикациях – неясно. В переписке с автором известный британский историк разведки Найджел Уэст на вопрос о возможных источниках информации Кукриджа признавался: «Я не могу пролить свет на его источники информации, но во время войны он был агентом (имеется в виду – оперативным офицером. – *И. Л.*) и имел хорошие контакты»¹⁰. Однако в целом такая информация практически ни в одном пункте не соответствовала действительности, да вдобавок и совершенно не красила советскую военную контрразведку.

Все эти ранние публикации, как, по вполне понятным причинам, и книга Кукриджа, совершенно не обратили на себя должного внимания широких кругов читателей и прошли почти незамеченными, возможно, отчасти ввиду ограниченной аудитории изданий. Все изменилось несколько лет спустя. В настоящее время точно установить автора этой идеи невозможно, однако публикация в 1971 году в массовом журнале «Смена» большого очерка Андрея Соловьева «Сентябрь сорок четвертого...»¹¹, совершенно очевидно, была не случайной. К данному времени руководство КГБ СССР озабочилось созданием в широких массах населения позитивного образа органов госбезопасности. С этой целью были предприняты специальные меры по созданию соответствующих фильмов, книг, журнальных и газетных публикаций. Надо сказать, что именно в данном конкретном вопросе все оказалось как нельзя более удачно. Советская публика очень положительно восприняла это решение руководства госбезопасности раскрыть одну из интереснейших страниц тогда еще относительно недавней истории. В любом случае, после появления данного очерка «дело Таврина» получило в СССР подлинно широкую известность. Многие вообще полагают эту публикацию первой в данной области, что, как мы убедились, неверно. Но огромный тираж популярного журнала действительно впервые донес информацию о покушении до миллионов людей.

По сравнению с позднейшими версиями событий в очерке Соловьева отсутствовало упоминание о повреждениях, полученных самолетом от зенитного огня. Сообщалось, что террорист пользовался фамилиями Гаврин, Серков и Таврин, и о фамилии Шило как его настоящей фамилии. Везде в дальнейшем его именовали Политовым, якобы по агентурной кличке, полученной им в германской разведке. В действительности «инженером Политовым» агент именовался в документах прикрытия, выписанных немцами в период его обучения в Пскове, что ни в коем случае не следует путать с оперативным псевдонимом. Под предательство, как и положено, подводилась классовая основа: автор специально указывал, что агент был «сыном крупного кулака». Эта фраза, кстати, почти точно цитирует подлинный документ – сообщение НКВД СССР, НКГБ СССР и ГУКР НКО в ГКО от 30 сентября 1944 года. Как и практически во всех дальнейших публикациях, перевозивший агентов самолет именовался моделью «Арадо 332», тогда как в действительности такая машина не выпускалась вообще, а агентов доставил через линию фронта четырехмоторный «Арадо» Аг-232 В-05. (Кстати, это вполне объяснимо. В период войны советские авиационные специалисты неверно идентифицировали данный самолет. Даже служебный фильм НИИ ВВС Красной Армии об этом самолете был выпущен под названием «Арадо-332», а позднейшие исследователи далеко не сразу перепроверили эту информацию). Допущена ошибка и в модели использовавшегося ими мотоцикла, вместо советского М-72 указан немецкий «Цундап». Портативный гранатомет «Панцеркнакке» почему-то назван «своеобразным вариантом ручного бронебойного миномета». Лидия Шилова везде именовалась не женой, а сожительни-

¹⁰ Из письма Н. Уэста автору от 6 ноября 2007 года.

¹¹ Соловьев А. К. Сентябрь сорок четвертого... // Смена. 1971. № 18–19.

цей Таврина, вероятно, для усиления ее негативного образа. Соловьев, искажая действительность, характеризовал ее как старого, проверенного агента штурмбаннфюрера Краусса. Он утверждал также, что документы на имя Шиловой ей сфабриковали немцы, тогда как это была настоящая фамилия женщины по первому мужу. Автор или же лица, дававшие ему информацию, с незаурядной фантазией утверждали, что подготовка агента «Политова» обошлась в 5 миллионов марок. Более того, автор заявлял, что финансировало подготовку Таврина (а значит, и осуществляло всю операцию) гестапо, что совершенно невозможно ввиду абсолютно иной специализации государственной тайной полиции нацистской Германии. Ничего не сообщалось о контактах Таврина с РОА до момента его привлечения к операции по устранению Сталина.

Именно Соловьев в качестве источника информации, будто бы заблаговременно известившего советскую разведку о предстоящем покушении, указал агентов внутри рейха – некую лично работавшую на передатчике фрау Зейферт и связанного с ней неназванного офицера СС. Документальные подтверждения их существования пока отсутствуют, зато есть основания предполагать, что эти персонажи просто вымышлены. Кроме того, Соловьев сообщил об аресте советской контрразведкой группы парашютистов, заброшенных в Смоленскую область с задачей выбрать подходящую для приема самолета площадку. Он утверждал, что разведывательная информация из Берлина вкупе с показаниями захваченных агентов дала достаточные основания для активного розыска террористов, впоследствии увенчавшегося успехом. Следует также отметить заметную художественность очерка, выразившуюся, в частности, в приведении вымышленных диалогов персонажей и ряде других деталей.

Публикация получила немалый резонанс. В рамках принятой линии на продолжение популяризации работы советских органов госбезопасности А. К. Соловьев в 1976 году опубликовал сборник документальных очерков «Волки гибнут в капканах». В нем он поместил очерк «Последняя ставка», в котором изложил эту историю с некоторыми изменениями по сравнению с предыдущей версией текста¹². В частности, он еще более усилил зловещую роль жены Таврина, названной им Лидией Бобрик, утверждением о том, что она с лета 1941 года якобы по поручению немцев выявляла советских активистов и партизан и имела задание убить своего мужа (у автора – сожителя) в случае сбоя в ходе операции. О дальнейшем использовании арестованных террористов не сообщалось ничего.

В этой публикации Соловьев упомянул и о налете партизан на разведшколу в деревне Печки Печорского района Псковской области, в результате которого в захваченных документах были якобы обнаружены сведения о некоем агенте, предназначенном для совершения особо крупной акции в советском тылу. Из этого делался вывод о возможности привязки его к будущей попытке покушения. Соловьев также привел известную версию о кожаном пальто «русского покроя», однако, в отличие от дальнейших публикаций других авторов, сообщил не об уширении правого рукава уже готового изделия, а о полном пошиве пальто с уширенным рукавом из отдельных кож.

Обстоятельства задержания агентов излагались в духе версии о сплошной проверке подозрительных лиц на дорогах Смоленской области. Соловьев, не называя фамилии задержавшего, именовал его чекистом, который обратил внимание на неверное расположение орденов Красной Звезды и Александра Невского: на левой стороне груди проверяемого вместо правой. После этого он пригласил Таврина в комендатуру якобы для проставления отметки о выезде из прифронтового района. Сомнительно, что опытный агент и бывший советский офицер мог поверить этому. В сентябре 1944 года глубина прифронтовых районов составляла от 150 до 250 километров, и потому Смоленская область никак не могла счи-

¹² Соловьев А. К. Последняя ставка // Волки гибнут в капканах. М.: Воениздат, 1976.

таться таковым, а являлась глубоким тылом. Более того, офицеры с отпускными свидетельствами или командировочными предписаниями не обязаны были делать это.

Впервые появляется намек на дальнейшую судьбу арестованных и разоблаченных Таврина и Шиловой. Соловьев многозначительно заявил, что оба они получили по заслугам, а через их рацию еще долго поддерживалась связь с немцами в целях дезинформации. Следует подчеркнуть, что на момент опубликования перечисленных материалов их автор был действующим сотрудником, преподавателем в Высшей школе КГБ СССР в звании полковника¹³, а потому в соответствии с существовавшими правилами все написанное им получило одобрение ведомства госбезопасности.

Вполне разумно было бы ожидать реакции немецких авторов на эти материалы, и такая появилась несколько лет спустя на страницах № 46 журнала «III Рейх. II мировая война. События в словах, снимках и звуках»¹⁴. К сожалению, год выпуска данного издания не обозначен, его можно датировать примерно 1974 годом. Авторы очерка «Панцерфауст в пиджаке» Валериан П. Лебедев и Фриц Лангоур сразу же привлекли внимание читателей цитированием свидетельств офицера СД Георга Грайфе, непосредственно участвовавшего в подготовке данного покушения. Приводимые факты были крайне интересны, хотя в значительной части и шли вразрез с другими, уже известными. Увы, к концу текста становилось ясно, что очерк носит высмеивающий и издевательский характер, поскольку в нем, к примеру, утверждалось, что о подготовке покушения в Москву сообщил не кто иной, как штандартенфюрер Штирлиц, он же «Юстас», он же половник Максим Максимович Исаев. Это, а также ряд других странных пассажей, позволяет нам не принимать указанный очерк всерьез. Не исключается, что его публикация преследовала цель дискредитации обнародованных в СССР сведений о провалившемся покушении.

В 1979 году Таврин и Шилова вновь появились на страницах советского издания. В одной из глав книги «Военные чекисты»¹⁵ ее автор С. З. Остряков рассказал об этой операции и назвал в качестве основной причины задержания Таврина нарушение им порядка ношения орденов. Дополнительной причиной для подозрения явился свежий вид и сухая, чистая одежда агентов, по их утверждениям, ехавших под дождем всю ночь. Все это происходило на фоне заградительно-разыскной операции, начатой по результатам допроса заброшенных на советскую территорию трех германских агентов-парашютистов. Они явились с повинной и заявили о полученном задании по подбору основной и запасных площадок для посадки самолета. Остряков вспоминает, что участвовал в мероприятиях по планировавшемуся захвату самолета и готовил выбранную площадку таким образом, чтобы севший на нее самолет подломил шасси в замаскированной канаве. Однако, несмотря на трехкратное ожидание его прибытия, «Арадо» пролетел мимо и после обстрела с земли сел в районе деревни Куклово Кармановского района Смоленской области (ошибка автора, в действительности Куклово административно относилось к Шаховскому району Московской области). Информация о месте посадки противоречит данным службы воздушного наблюдения, оповеще-

¹³ Андрей Кузьмич Соловьев (род. в 1918 году в Барнауле) – в органах госбезопасности с момента поступления в Ленинградскую школу НКВД в 1938 году до ухода в отставку в 1978 году. Стажировался в УНКВД Ленинградской области, в дальнейшем служил в военной контрразведке оперуполномоченным истребительного авиационного полка на Кольском полуострове, участвовал в советско-финской и Великой Отечественной войнах. С 1942 года – в Особом отделе 14-й армии, с 1943 года – в УКР «СМЕРШ» Карельского фронта. Закончил войну в звании майора. В 1945 году служил в Москве, затем на Дальнем Востоке. По возвращении в Москву – в Высшей школе КГБ имени Ф. Э. Дзержинского. Многократно награждался орденами и медалями, автор 8 документально-художественных книг, статей и киносценария фильма «Смерть на взлете».

¹⁴ *Langour, Fritz, Lebedev, Valerian P. Panzerfaust in Jackett. Der Mordanschlag auf Stalin // Das III-Reich. II. Weltkrieg. Zeitgeschehen in Wort, Bild und Ton. Nr. 46. P. 284–287.*

¹⁵ *Остряков С. З. Военные чекисты. М.: Воениздат, 1979.*

ния и связи (ВНОС), а также информации УНКВД Смоленской области¹⁶. Сообщалось, что экипаж был захвачен в плен, за исключением одного человека, оказавшего сопротивление и застреленного.

В книге автор не упоминает фамилию Шило, а Лидию «Адамичеву-Шилову» именует дочерью преступника, осужденного за антисоветскую деятельность. Он совершенно верно называет модель использовавшегося ими мотоцикла (М-72), но повторяет ошибку Соловьева и ошибочно именует самолет «Арадо-332». Самое же спорное в его работе – это привязка ожидания прибытия неких германских агентов к агентурной паре Таврина и Шиловой. Сдав-шаяся группа приема не имела абсолютно никакой информации о том, кто и зачем должен прибыть самолетом, площадку для посадки которого они готовили. И по настоящее время идентифицировать агентурную группу, для которой готовилась встреча на земле и которую ожидали в засаде контрразведчики, невозможно, потому все заявления на этот счет абсолютно голословны.

После этого в освещении операции наступила довольно долгая пауза, прервавшаяся лишь с начавшейся эпохой гласности. В изданном в 1986 году в Ташкенте сборнике «Чекисты рассказывают» тема Таврина всплыла вновь, хотя и без указания именно этой фамилии. В очерке «Падение» его автор Г. Ропский утверждал, что перед войной на Алайском рынке Ташкента заведующим небольшим комиссионным магазином работал некто Николай Петрович Серков, которого в рамках уголовного дела милиция намеревалась арестовать за скупку краденых вещей, но упустила. Выяснилось, что паспорт Серкова был украден, а вклеенный в него снимок подделан. Далее в очерке говорится: «Мнимый Серков оказался крупным государственным преступником!.. Бежав из Ташкента, он устроился заведующим нефтескладом в Аягузском районе Семипалатинской области, где, похитив крупную сумму денег, тоже скрылся. Перед самой войной объявился в Воронеже в роли следователя городской прокуратуры. В обоих случаях, как и в Ташкенте, пользовался фальшивыми документами. Как теперь стало известно, с 1933 года под фамилиями Шило, Гаврина, Серкова он колесил по Украине, Башкирии, Казахстану»¹⁷. Далее автор утверждает, что именно этот человек оказался агентом «Цеппелина», задержанным в начале сентября 1944 года вместе с Шиловой и направлявшимся в Москву для совершения теракта. При подробном изучении текста обнаруживается огромное количество ошибок, не позволяющих полагать данный очерк серьезным источником информации.

В 1987 году публикации на данную тему продолжились. В трех номерах газеты райцентра Смоленской области города Гагарина (бывший Гжатск) «Красное знамя» появился не замеченный ни общественностью, ни исследователями очерк Владимира Королева «Операция завершилась под Кармановым»¹⁸. В ней автор выставил Таврина человеком «по горло в крови советских людей», обреченным на смертную казнь из-за своих преступлений даже в случае добровольной явки с повинной. Он подвел под это классовую базу и вслед за А. Соловьевым объявил его сыном крупного кулака, расстрелянного в 1918 году красными партизанами. Опять-таки вслед за Соловьевым Королев ошибочно сообщил, что Таврин был призван на Северо-Западный фронт, тогда как в действительности тот сразу же попал на Калининский. Автор утверждал, что к сотрудничеству с СД будущего агента привлек в июле 1943 года штурмбаннфюрер Штайнер. Кто это такой, не поясняется, кроме того, распространность подобной немецкой фамилии наводит на самые грустные размышления относительно точности такой информации. Королев продемонстрировал абсолютное незнание

¹⁶ В рассматриваемый период местные органы НКВД (и НКГБ) периодически именовались то как «УНКВД области», то как «УНКВД по области». В данной книге для унификации названия и во избежание путаницы везде используется первый вариант.

¹⁷ Ропский Г. Падение // Чекисты рассказывают. Ташкент: Узбекистан. 1986. С. 135.

¹⁸ Королев В. Операция завершилась под Кармановым // Красное знамя. 1987. № № 130–132.

истории оружия и «снабдил» Таврина неким мифическим 8-зарядным пистолетом «Смогг», транспортный самолет у него, естественно, был назван «Арадо-332», а мотоцикл агентов – «Цундапом». Шилова, в продолжение долгого заблуждения, снова именовалась старым, проверенным агентом Краусса, ей якобы было поручено без колебаний устранить своего напарника в случае критического развития операции. Совершенно очевидно, что материалы дела автор очерка не читал, поскольку утверждает, что агентесса была заброшена под собственным именем. Он продемонстрировал некоторую фантазию и сообщил, что террористический акт был намечен якобы либо на 6 ноября 1944 года, тогда его следовало провести на торжественном заседании в честь очередной годовщины Октябрьской революции, либо на следующий день – ни больше ни меньше как на трибуне Мавзолея на Красной площади. Покушение Королев полагал изначально обреченным, поскольку, по его словам, советская контрразведка знала о его подготовке как из захваченных при налете на разведшколу в деревне Печка документов, так и от некоего внедренного агента в Главном управлении имперской безопасности рейха. Личность последнего не конкретизировалась. Вновь повторялось утверждение о затраченных на подготовку операции 5 миллионах марок. Перспективы благополучного ухода террористов из района посадки оценивались высоко, в частности, по причине того, что Таврин якобы воевал в этих местах и прекрасно их знал. Ни первое, ни второе утверждение совершенно не соответствуют действительности. Обстоятельства крушения «Арадо» описывались нетрадиционно: не говорилось ни слова ни об обстреле с земли, ни об отвалившейся мотогондоле, сообщалось только о поврежденных лопастях одного из пропеллеров. Обстоятельства задержания Таврина тоже излагались своеобразно. Автор написал о расставленных по всей Смоленской и Калининской областях патрулях, на один из которых и попали агенты. Чекисты под видом обычной проверки якобы пригласили Таврина в здание и попросили его предъявить документы на Золотую Звезду Героя Советского Союза. Тот показал им удостоверение и сфабрикованную немцами вырезку из газеты «Правда», вызвавшую у проверяющих недоверие из-за полиграфических дефектов, после чего один из чекистов принес для сверки такой же номер из имевшейся газетной подшивки. Таврин попытался проглотить капсулу с ядом, но не успел и был арестован. Из мелких особенностей материала следует отметить нетрадиционный перевод наименования гранатомета как «бронедробилка». Впрочем, он классифицировался там как ручной бронебойный миномет.

Этот материал писался в расчете на предстоящее включение в сборник, в нем имеется один примечательный момент: автор извещает читателей, что имена чекистов, принимавших участие в задержании агентов, неизвестны (почему?), он просит их откликнуться и обратиться в УКГБ по Смоленской области для фиксации материалов и пополнения создаваемого в управлении музея.

Такой сборник действительно был издан в том же 1987 году Смоленской областной организацией Союза журналистов СССР под названием «Продолжение подвига»¹⁹. Указанный очерк вошел в него в несколько откорректированном виде. Судя по всему, корректировка была срочной, поскольку в газете «Красное знамя» материал публиковался в самых последних числах октября того же года. Несмотря на незначительный запас времени, один из тех, кого автор призывал откликнуться, сделал это. Похоже, что при написании очерка его автор, Королев, не знал о существовании свидетельства очевидца, Константина Кирилловича Астапенкова, которое, оказывается, было опубликовано в смоленской областной газете «Рабочий путь» еще 6 октября 1968 года. Судя по всему, эта заметка совершенно ускользнула

¹⁹ Королев В. Операция завершилась под Кармановым // Продолжение подвига. Смоленск: Смоленская областная организация Союза журналистов СССР, 1987.

от внимания исследователей. Похоже, автор публикации, инструктор Вяземского городского комитета КПСС, по праву может претендовать на честь самого раннего упоминания «дела Таврина» в нецентральных открытых источниках. Любопытно, что при обширном цитировании ее в очерке в сборнике «Продолжение подвига» первоначальный текст был искажен, иногда достаточно курьезно, что совершенно не к лицу добросовестным публикаторам. Например, в сборнике на странице 164 «Арадо» описывается как «четырёхмоторный самолет-гигант», а на странице 166 – как «небольшой моноплан», тогда как в соответствующих местах газетной заметки ни того, ни другого выражения нет. Чем руководствовался Королев в данном случае, сказать сложно. Да, собственно, и фамилия автора воспоминаний у него искажена, вместо Астапенкова он именовал его Астаненковым.

Увы, несмотря на определенную ценность свидетельства очевидца событий, помещенная в газете «Рабочий путь» заметка «Провал операции Скорцени» полна ошибок и погрешностей. Отметим основные из них. Это и ставшее традиционным искажение номера модели самолета (332 вместо 232), и 60-мм вместо 30-мм калибр гранатомета «Панцеркнакке», к тому же якобы бесшумного, и деликатное умолчание о «смершевских» документах Таврина и Шиловой, и отнесение последней к медицинской службе вместо административной. Особо следует отметить искажение имени и отчества Таврина, названного вместо Петра Ивановича Иваном Михайловичем. Заслуживают упоминания и искажения фактических обстоятельств дела. Согласно тексту, в 5 часов вечера некоего дня в сентябре 1944 года Астапенков, в описываемое время работник УНКГБ Смоленской области, вместе с другими оперативными работниками был отправлен на поиски экипажа приземлившегося в Кармановском районе немецкого самолета. Дальнейшее весьма любопытно. В книжном варианте очерка Королева цитата подобрана таким образом, что создается впечатление выезда группы вечером тех же суток, когда самолет потерпел аварию, и террористы были высажены, а затем пойманы, то есть 5 сентября. Это вызывает серьезные сомнения. Начнем с того, что в 1944 году, по разбитым войной дорогам, большей частью грунтовыми, на «эмке» или «виллисе» дорога от Смоленска до Яковлево должна была занять едва ли не 12 часов. Следовательно, на место оперативники могли прибыть лишь под утро 6 сентября. В части поисков германских летчиков это сомнений не вызывает, но Астапенков сообщает о полученной от местных ребят информации об отъехавших от самолета двух мотоциклистах. Заметим, что к этому времени Таврин и Шилова уже находились под арестом примерно сутки, однако рассказчик утверждает: «Мы возвращались с операции в Смоленск и везли с собой матерых фашистских разведчиков, которые здесь, на смоленской земле, закончили свою карьеру»²⁰.

Зато в газетном варианте тот же текст можно прочесть в общем контексте, и становится понятным, что оперативники выехали в Карманово накануне вечером, когда самолет еще не летел. В самом деле, как еще можно понять следующее:

«Полковник... сказал:

– Без промедления всему аппарату собраться и выехать в Кармановский район.

Затем добавил:

– Время не ждет, поэтому инструктаж получите в пути следования. С собой взять автоматы...

Сборы были быстрые, и уже через несколько минут наша машина рванулась с места и понеслась по Большой Советской на Покровку, выехала на автостраду Минск – Москва и, взяв направление на восток, на максимальной скорости понеслась по широкому полотну дороги.

²⁰ Королев В. Указ. соч. С. 166.

Между тем шло время, и «Арадо 332» шел строго по заданному курсу в район приземления»²¹.

Как видим, из базисного текста воспоминаний однозначно следует, что их автор писал о *заблаговременном* выезде опергруппы в Кармановский район. Поверить в это невозможно, поскольку германская разведка никогда не планировала высадить агентов именно там, в этом месте самолет сел случайно. Вероятно, последующие публикаторы поняли ложность такого заявления и соответствующим образом изменили его подачу в печати.

Публикация 1968 года в смоленском областном «Рабочем пути» не вызвала читательских откликов, но этого нельзя сказать об очерке 1987 года в гагаринском городском «Красном знамени». Его эхом стали две заметки в номерах той же газеты за 1988 год, намного более ценные для изучения «дела Таврина», чем исходный очерк.

Первая из публикаций называлась «Это было так...», в ней журналистка С. Ю. Кокотина изложила рассказ неких безымянных очевидцев событий, происходивших в Кармановском районе Смоленской области 5 сентября 1944 года. Изложенные в ней факты идут вразрез со многими сведениями, опубликованными позднее, поэтому на них следует остановиться особо. Прежде всего, в заметке достаточно точно фиксируется время посадки самолета около деревни Яковлево и последовавшего за этим взрыва – 1 час ночи. Сообщается, что самолет обнаружили побежавшие на шум сельские ребята, после чего взрослые позвонили в точки воздушного наблюдения (имеются в виду посты службы ВНОС). Далее цитируется анонимный рассказчик, явно из поселка Карманово, которого, по его словам, первый секретарь райкома комсомола ночью подняла с постели и отправила ловить диверсантов вместе с милицией и чекистами в составе группы из 18 призывников-комсомольцев. Важно, что, по словам рассказчика, о готовящейся акции немцев знали и ожидали ее в полной готовности. Как и откуда знали, не объясняется. Особенно странно это с учетом того, что далее в очерке он утверждает о намерении противника высадить этих диверсантов в совершенно другом месте, поэтому причина ожидания их в Карманове остается загадкой.

Рассказчик сообщает, что мотоцикл с Тавриным въехал в поселок в 16 часов, что является очевидной оговоркой или опечаткой. Он ничего не говорит о погоне за мотоциклом, зато утверждает, что районные начальники НКВД и НКГБ в гражданской одежде пошли навстречу мотоциклисту и, когда тот остановился, чтобы спросить у них дорогу на Ржев, пригласили прибывших в милицию якобы для обычной проверки документов. Что бы они делали, если бы Таврин проехал мимо без остановки, неясно. Источник не упоминает ни о каких признаках, демаскирующих агентов. Зато он сообщает о присутствии в здании милиции первого секретаря Кармановского РК ВКП(б) С. И. Родина, что вполне согласуется с наличием его подписи на протоколе обыска Таврина. Агент сказал, что направляется в Москву с важным поручением и едет со стороны Гжатска, но при этом въехал в Карманово со стороны деревни Самуйлово. Следует отметить, что такой маршрут хотя и не был разумным, но не исключался, Гжатск соединялся с Самуйлово дорогой, поэтому не слишком знакомый с местностью человек вполне мог поехать от него на восток и в итоге в самом деле въехать в Карманово не с юга, а с юго-востока. Рассказчик утверждает, что форма партийного билета «майора Таврина» не соответствовала стандарту и что при попытке агента что-то объяснить первый секретарь внезапно спросил его, что за самолет горит в лесу? После этого Таврин якобы сломался и начал признаваться во всем.

В очерке приводятся слова террориста о том, что первоначально их якобы должны были высадить в районе между Лужниками и Сокольниками, но поскольку советская разведка знала об этом, высадку там отменили и запланировали дальше от Москвы. Не уточня-

²¹ Астапенков К. Провал операции Скорцени // Рабочий путь. 1968. 2 октября.

ется, как именно немцы узнали о том, что их планы стали известны противнику. Кроме того, крайнее сомнение вызывает намерение высадить диверсантов чуть ли не в центре столицы Советского Союза, это выглядит совершенно нереально, разве что СД ради удобства агентов собиралась подвезти их как можно ближе к станции метро... Далее сообщается о том, что немецкий самолет был обстрелян над Можайском и повернул назад, благополучно сел для высадки террористов у деревни Завражье (в действительности она называется Заовражье), в двух километрах от Яковлева, и попытался взлететь, но не смог быстро набрать высоту, зацепился за верхушки деревьев и потерпел аварию. Это утверждение противоречит имеющимся фактам и большинству свидетельств.

Весьма любопытным представляется упоминание в очерке о судьбе экипажа самолета, долгие годы остававшейся неизвестной широкой общественности. Рассказчик абсолютно точно, хотя и без подробностей, сообщает, что некоторое время спустя летчики наткнулись на находившуюся в засаде опергруппу, при этом один из них погиб, а остальные попали в плен.

Второй из упомянутых публикаций в газете «Красное знамя» стали краткие воспоминания бывшего командира Волоколамской роты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) 1-й дивизии ВНОС Особой Московской армии ПВО Г. Сидоренко. В них он довольно детально уточнил маршрут самолета, доставившего германских агентов к месту высадки, и характер полученных им повреждений. В части, известной бывшему офицеру ПВО, автор весьма обстоятелен (точность его утверждений будет рассмотрена далее). Во второй части заметки Сидоренко рассказывал о том, чего не видел и не знает – об аресте Таврина и Шиловой. Верить в его свидетельство в этой части не следует ввиду его явной фантастичности.

Указанные очерки и заметки, скорее всего, привлекли внимание лишь местных жителей, после чего в публикациях наступила многолетняя пауза. За это время были открыты многие архивы, распался Советский Союз, а «дело Таврина» по-прежнему окружало молчание. Наконец, в 1993 году безмолвие закончилось. Своего рода «первой ласточкой» стала почти не замеченная общественностью, но крайне ценная журнальная публикация «Убить Сталина»²² в ведомственном и малодоступном для широкой аудитории журнале Министерства безопасности Российской Федерации «Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки». Она включала в себя спецсообщение УНКВД Смоленской области о задержании агентов немецкой разведки Таврина и Шиловой, протокол допроса Таврина в НКВД СССР и краткое послесловие сотрудника Центра общественных связей (ЦОС) МБ РФ В. Воздвиженского. Впоследствии данные материалы подвергались критике в связи с отсутствием датирования. Следует отметить, что если в отношении спецсообщения эта претензия справедлива целиком и полностью и публикация с научной точки зрения совершенно безобразна, то протокол допроса в оригинале был датирован только сентябрем 1944 года, без указания конкретного числа. Правда, сама эта строка в публикацию вообще не попала. Осталась незамеченной еще одна неточность: Таврин заявил, что его полк входил в состав 369-й стрелковой дивизии (вместо 359-й), однако это не являлось ошибкой публикатора, именно так и было указано в оригинальном протоколе. Несмотря на важность введения перечисленных документов в исторический оборот, впервые они были использованы лишь в 1995 году, когда известный историк Лев Безыменский коснулся данной темы на нескольких страницах своей книги «Операция “Миф”»²³.

²² Убить Сталина // Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1993. № 3. С. 14–16.

²³ Безыменский Л. А. Операция «Миф», или Сколько раз хоронили Гитлера. М.: Международные отношения, 1995.

В изданных небольшим тиражом в 1997 году мемуарах бывшего сотрудника 3-го отдела ГУКР «СМЕРШ» Д. П. Тарасова «Большая игра» упор делается на значительно более подробное освещение вопросов радиоигры «Туман». Правда, арестованные агенты именуются там супругами Покровскими, но их идентичность Таврину и Шиловой не вызывает ни малейшего сомнения. Следует отметить, что первое издание этой книги было крайне мало-тиражным и фактически закрытым, ее переиздание для широкой читательской аудитории было осуществлено намного позднее.

В 1998 году список публикаций о покушении пополнился главой «Сухая одежда» в книге Н. А. Зеньковича «Покушения и инсценировки: от Ленина до Ельцина»²⁴. Следует отметить ошибку автора: соседом Шило-Таврина по нарам в германском лагере никак не мог быть некий московский шофер Жора, впоследствии оказавшийся бывшим первым секретарем одного из московских райкомов ВКП (б), бывшим членом Военного совета 32-й армии Г. Н. Жиленковым. Этот будущий высокопоставленный деятель РОА действительно с ноября 1941 года под видом шофера Максимова служил в германской 252-й пехотной дивизии. Однако к рассматриваемому времени он уже был раскрыт немцами, 23 мая 1942 года арестован и на допросе заявил о готовности бороться против Советской власти, а потому содержался под своей подлинной фамилией.

Причиной, вызвавшей подозрения начальника РО НКВД Ветрова и последующий арест диверсантов, Зенькович считал сухую и чистую, несмотря на ночной дождь, одежду последних. Он утверждал, что во время пребывания Таврина и Шиловой в здании райотделения старший лейтенант самостоятельно принял решение об обыске их вещей в мотоцикле и обнаружил множество предметов шпионского снаряжения, в том числе рацию и гранатомет (это ошибка, ничего из упомянутого там не было). Однако далее автор повторил версию о поступившем от разведки из Риги сообщении относительно заказа подозрительного кожного пальто с ушренным правым рукавом, ставшего отправной точкой в розыске террористов. Утверждалось о направлении в район села Карманово четырех групп чекистов-разыскников в милицейской форме, и даже делался намек на то, что Ветров, возможно, был вовсе не работником милиции. Это неверно.

В 1999 году в полуофициальном издании «Лубянка, 2. (Из истории отечественной контрразведки)»²⁵ история несостоявшегося покушения была описана в главе «Как Гитлер планировал убийство Сталина». В ней события излагались, в общем, традиционно. Отмечалось, что задержание было проведено опергруппой из 5 человек под руководством старшего лейтенанта милиции Ветрова и что в ходе него у агентов обнаружили и изъяли 7 пистолетов, 2 охотничьих ружья, радиомины и 5 гранат, но не упоминались ни рация, ни портативный гранатомет, известный как «Панцеркнакке». Фактически изложенную в данном издании версию можно считать полуофициальной, хотя и весьма краткой.

На официальном сайте Федеральной службы безопасности РФ 10 августа 2000 года помещен очерк Олега Матвеева и Сергея Турченко «Он должен был убить Сталина»²⁶ (позднее фамилия Матвеева из подписи исчезла, остался лишь Турченко). Эти авторы, во всяком случае Матвеев, имели полный и неограниченный доступ к судебнo-следственному делу № 5071, но явно не использовали ни один из других источников информации. Совершенно

²⁴ Зенькович Н. А. Покушения и инсценировки: от Ленина до Ельцина. М.: ОЛМА-Пресс, 1998.

²⁵ Лубянка, 2. (Из истории отечественной контрразведки). М.: Мосгорархив, 1999.

²⁶ Матвеев О., Турченко С. Он должен был убить Сталина // Официальный сайт Федеральной службы безопасности Российской Федерации <http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm%21id%3D10318083%40fsbPublication.html>

естественно, что и в этом материале не ставились неудобные вопросы и не предпринимались попытки ревизии канонического варианта. Место публикации неизбежно обусловило изложение традиционной версии, но внимание читателей впервые акцентировалось на личности Шиловой. По мнению авторов, она была вовсе не демоническим агентом, а просто несчастной женщиной, терявшей здоровье на лесозаготовках и выреченной Тавриным, и расстреляли ее, в общем, напрасно. Очень существенным в данном материале является утверждение знакомых с материалами дела авторов о том, что, по словам Шиловой, Таврин не собирался после выброски выполнять задание СД, а планировал вместе с ней затеряться и исчезнуть. Данное утверждение крайне важно, причем оно в открытых материалах появилось впервые и может быть поставлено авторам в несомненную заслугу.

Однако полное неприятие вызывают некоторые пассажи статьи, например:

«Сценарий теракта, по версии следствия, предполагал следующее. Таврин с документами майора «СМЕРШа», Героя Советского Союза, инвалида войны проникает на территорию Москвы, обосновывается там на частной квартире, связывается с руководителями антисоветской организации «Союз русских офицеров» генералом Загладиным из управления кадров наркомата обороны и майором Палкиным из штаба резервного офицерского полка».

Как будет показано далее, из протоколов допросов недвусмысленно явствовало: эти контакты были даны Таврину вовсе не немецкой разведкой, а одним из ее сотрудников в виде частной инициативы (если не вообще продиктованы на следствии в НКГБ), и потому никак не могли вписываться в сценарий теракта. Кроме того, генерал Загладин предстает в данном тексте предателем, что совершенно не соответствовало действительности и, как опять-таки будет показано далее, в этом качестве он НКГБ никогда не рассматривался.

Однако вскоре начали появляться и статьи, и очерки совершенно иного рода, и уже в 2000 году читатели смогли прочесть первые критические публикации на эту тему. Рассмотрим их подробнее.

Первая из таких публикаций появилась в авторитетной киевской газете «Зеркало недели»²⁷. Автор статьи «Волчья охота» А. Шлаен иронизировал по поводу разнообразия версий относительно причины ареста несостоявшихся террористов: сухая одежда после дождливой ночи, сообщение разведки из Риги о нестандартном кожаном пальто и опять-таки сообщение разведки из Берлина, от некоей фрау Зейферт. Далее он задавался совершенно резонным вопросом о том, как в мотоцикле, коляска которого была занята Шиловой, можно было увезти три больших чемодана, рацию, магнитную мину и еще множество другого груза? Шлаен утверждал, что, по заключению видного кинооператора Вилена Калюты²⁸, известная фотография Таврина с его германским руководителем является продуктом фотомонтажа. В качестве дополнительного аргумента отмечалось, что, как ни странно, никто из участников задержания террористов не получил за это наград, за исключением начальника Главного управления контрразведки «СМЕРШ» Наркомата обороны СССР В. С. Абакумова, награжденного за нее полководческим орденом Кутузова 1-й степени (обоснованность такого утверждения мы рассмотрим в дальнейшем).

²⁷ Шлаен А. Волчья охота // Зеркало недели. № 50 (23–29 декабря 2000 года).

²⁸ Калюта Вилен Александрович (1930–1999), снял фильмы «Белая птица с черной отметиной» (1971), «Наперекор всему» (1972), «Бирюк» (1977), «Будем ждать, возвращайся» (1981), «Полеты во сне и наяву» (1982), «Поцелуй» (1983), «Легенда о княгине Ольге» (1983), «Храни меня, мой талисман» (1986), «Смирненное кладбище» (1989), «Урга» (1991), «Утомленные солнцем» (1994), «Приятель покойника» (1997). Лауреат Государственных премий СССР (1987), России (1993, 1995), призер Всесоюзного (1984) и двух международных (1993 и 1995) кинофестивалей.

В том же 2000 году вышла книга Вадима Телицына «"СМЕРШ": операции и исполнители»²⁹, где в главе «Майор Таврин» будущий агент ошибочно был назван рядовым. Автор сообщал, что фигуранта на фронте кто-то опознал как Шило, о чем его ротный командир доложил в Особый отдел. Жена главного фигуранта этой истории называлась Лидией Бобрик (она же – Адамичева), а Шиловой агентесса стала якобы по полученным в СД документам. Утверждалось, что женщина являлась ни больше ни меньше как личным агентом уже даже не Крауса, а самого начальника Главного управления имперской безопасности (РСХА) обергруппенфюрера СС Эрнста Кальтенбруннера и должна была контролировать, а в случае необходимости и убить своего мужа и напарника. Все это абсолютно неверно. Кроме того, автор приводил не имеющие документальных обоснований живописные подробности, например о «явно нервном поведении» Кальтенбруннера на совещании, проводившемся им в начале января 1944 года. Неизвестно, из каких источников он получил информацию о том, что описываемая операция «Цеппелина» имела кодовое обозначение «Возмездие». Телицын повторил тиражируемую почти всеми авторами ошибку, именуя транспортировавший агентов самолет «Арадо-332». Кроме того, упоминалось создание самолета по заказу РСХА, что можно понять как разработку и запуск его в производство специально для данной операции. Однако это полностью неверно. В действительности технические требования к этому самолету были изданы Техническим комитетом министерства авиации Германии еще весной 1939 года, за полгода до создания РСХА, причем не как к самолету для специальных операций, а как к транспортному самолету средней грузоподъемности, способному действовать с неподготовленных аэродромов и предназначенному для замены существовавшего тогда «Юнкерса» Ju-52. «Арадо» этой модели в первую очередь использовались в подразделениях транспортной авиации люфтваффе. Лишь в феврале 1944 года пять таких машин было передано в состав специальной эскадры KG200, формально входившей в состав бомбардировочной авиации, но предназначавшейся для выполнения различных специальных и секретных заданий, включая заброску агентуры и грузов для нее во вражеский тыл. Таким образом, абсолютно нет никаких оснований полагать эти самолеты созданными для обеспечения агентурных и иных специальных операций.

Совершенно не соответствует действительности и заявление автора о том, что все изъятые у Таврина снаряжение якобы перевозилось в специальных опечатанных металлических ящиках.

Вновь излагалась известная еще с 1971 года странная история о двух агентах советской разведки в Берлине: неназванном офицере СС и фрау Зейферт. Телицын утверждал, что в августе 1944 года сведения о планах и намерениях «Цеппелина» уже попали в Москву, что якобы позволило разработать контроперацию «Перехват», детализированную вплоть до распределения патронов (в действительности это была вовсе не контроперация, а типовый план оперативно-разыскных мероприятий «Перехват», разработанный не по конкретному случаю, а вообще для данного района, и вводимый в действие по соответствующей команде, вне зависимости от того, кого ловили: террористов, вооруженных дезертиров, воров или бандгруппу. В рассматриваемый период существовали три аналогичных вида планов: «Диверсант», «Кольцо» и «Перехват». Продолжая рассматривать обстоятельства задержания агентов, автор сообщал о захвате пяти парашютистов, прибывших для встречи Таврина и Шиловой. Узнав, что самолет подбит, контрразведка якобы рассредоточила офицеров «СМЕРШа» по возможным маршрутам следования агентов. Это утверждение также не соответствует действительности, военная контрразведка в данном задержании участия не принимала.

²⁹ Телицын В. «СМЕРШ»: операции и исполнители. Смоленск: Русич, 2000.

В качестве первоначально демаскировавшего агентов признака вновь указывалась их сухая, несмотря на ливший в течение всей ночи дождь, одежда. Опять сообщалось об обнаружении в мотоцикле гранатомета и радиостанции, что не подтверждается протоколом обыска. Вслед за Шлаеном Телицын повторил утверждение о том, что за данное задержание начальник ГУКР «СМЕРШ» Абакумов был награжден орденом Кутузова 1-й степени, причем единственный из причастных к операции.

В книге впервые появилось интервью с бывшим начальником Кармановского РО НКГБ К. Ф. Федосеевым, впоследствии неоднократно цитировавшимся различными авторами и дававшим телевизионные интервью. При этом ошибочно утверждалось, что он возглавлял Кармановский РО НКВД. Ввиду особого места, которое занимают свидетельства Федосеева в изучении операции, они проанализированы отдельно.

Телицын высказал ряд критических замечаний к общепринятой тогда версии, основными из которых являются два: указание в официальных документах вымышленных фамилий людей, арестовывавших Таврина (фактами не подтверждается), и неясность в вопросе о том, как именно Таврин собирался подобраться к Сталину. В результате он предположил, что вся операция могла быть не настоящей акцией германской разведки, а интригой Берии, Абакумова и Меркулова. Как известно, никаких подтверждений этой версии нет. Кроме того, Телицын утверждал, что настоящие имена чекистов, задержавших Таврина и Шилову, представлены в экспозиции смоленского музея Великой Отечественной войны. Увы, в этом музее, правильно именуемом «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», нет даже соответствующего стенда, и никакие фамилии участвовавших в задержании чекистов там не приводятся.

В том же 2000 году в свет вышла книга Бориса Соколова «Охота на Сталина, охота на Гитлера. Тайная борьба спецслужб»³⁰. В одной из ее глав автор недоумевал относительно мотивов, подтолкнувших СД к выбору непрофессионала для выполнения столь важной операции. Он детально анализировал версию Кукриджа и рассматривал события 5 сентября 1944 года, исходя из предпосылки о том, что агенты на мотоцикле не были доставлены самолетом, а наоборот, ехали к нему для эвакуации через линию фронта после завершения своей миссии в советском тылу. Он предположил, что самолет разбился, сев без сигнальных огней с земли, которые как раз и должны были зажечь арестованные агенты, и высмеивал утверждение о якобы способности Ветрова догнать мотоцикл на велосипеде. Пользуясь ошибочными сведениями Андрея Соловьева, Соколов отмечал, что офицеры гестапо вряд ли стали бы вербовать агента для разведывательной миссии. В этом он совершенно прав, однако, взяв за отправную точку неверную посылку, он приходит к неверному заключению. Ему также неясно, почему в качестве второстепенных объектов покушения были выбраны именно не самые важные в период ведения войны Молотов, Берия и Каганович (относительно их незначительности автор явно ошибается).

Тем не менее в книге ставились многие совершенно оправданные вопросы, например, о причинах составления плана покушения не профессионалами СД, а Жиленковым. Соколов утверждал, что известный совместный снимок Таврина с офицером СД является результатом фотомонтажа. Он обращал внимание на неудачный, слишком богатый для офицера «СМЕРШа» набор орденов, а также задавался вопросом о том, по какой причине столь серьезно подготовленный агент не оказал сопротивления задержанию, почему уже на первом допросе он сразу признал себя виновным в тягчайшем преступлении, хотя мог о нем просто умолчать? Отмечал отсутствие отступной (защитной) легенды, не используя, правда, этот специальный термин. Далее, Соколов подозревал, что обнаруженный у Таврина бога-

³⁰ Соколов Б. Охота на Сталина, охота на Гитлера. Тайная борьба спецслужб. М.: Вече, 2000.

тый арсенал предназначался не одному агенту, а уже действовавшей группе. Он также удивлялся значительному объему радиообмена агентурной пары в период операции «Туман», характерному скорее для разведчиков, а не для террористов, и полагал данное обстоятельство дополнительным подтверждением предположения о том, что 5 сентября 1944 года Таврин и Шилов не забрасывались в советский тыл, а наоборот, пытались покинуть его. Настораживало автора и то, что немцы, явно понимая высокую вероятность поимки террориста после акции, все же упорно делились с ним планами заброски агентуры в советский тыл и раскрывали детали уже заброшенных групп и отдельных агентов.

В результате Соколов склонялся к версии Кукрижда, утверждавшего, что в действительности Шило-Таврин и его помощница, скорее всего, были не террористами, а разведчиками, и не забрасывались в СССР, а выводились оттуда из-за угрозы провала. Причину такого искажения истины органами госбезопасности он усматривал в том, что они, судя по всему, стремились закамуфлировать несостоятельность контрразведки, допустившей длительную работу германского агента на ответственных должностях.

Заслуживает упоминания опубликованный в № 3 российского журнала подразделений специального назначения «Братишка» за 2003 год очерк Александра Пронина «Охота на Сталина», в котором тот вкратце высказывает свое мнение о неоднократно фигурировавшем в показаниях Таврина «Союзе русских офицеров». Пронин оказался единственным на момент написания данной книги автором, однозначно заявившим: «Организация, которую они (Загладин и Палкин. – *И. Л.*) якобы представляли, – легендированная, созданная Лубянской в рамках ловкой игры с немецкой разведкой»³¹. Источники своей информированности Пронин, к сожалению, не приводит.

Анализировать очерк генерал-майора ФСБ и генерал-лейтенанта милиции А. Г. Михайлова «Хлестаков из «Цеппелина» достаточно сложно по причине наличия двух зачастую противоречащих друг другу версий текста. Одна из глав вышедшей в 2004 году книги «Обвиняются в шпионаже»³² под названием «Хлестаков из «Цеппелина» (История несостоявшегося покушения)» посвящена «делу Таврина». При этом на нескольких интернет-сайтах³³ размещена электронная версия текста, отличающаяся наличием фактических ошибок и весьма сокращенная. Было бы логичным предположить, что более точный и объемный печатный вариант родился в результате авторской правки очерка с учетом замечаний, однако, как ни странно, публикации в Интернете датированы более поздними сроками, чем книга. Впрочем, возможно, материал там был размещен намного позже его написания. По этой причине все же будем анализировать именно печатную версию, отметив лишь позднее исправленные ошибки в написании некоторых фамилий (Желенков вместо Жиленков, Адамович вместо Адамчик), встречающиеся в электронной версии. Следует попутно отметить, что комментировать труды данного автора весьма сложно: в разных публикациях он постоянно меняет некоторые детали, вводит новые, нигде ранее, в том числе и у него самого, не фигурировавшие элементы без указания их источников.

Михайлов представил читателям Шило-Таврина как не вполне адекватного и завравшегося авантюриста, попавшего в сети собственных хлестаковских амбиций и не сумевшего из них выпутаться. Кстати, только он утверждал, что Шило был сыном сапожника, а не кулака, как это указывалось в других публикациях. Автор привел массу живописных подроб-

³¹ Пронин А. Охота на Сталина // Братишка. 2003. № 3. http://www.bratishka.ru/archiv/2003/3/2003_3_5.php

³² Михайлов А., Томаровский В. Обвиняются в шпионаже. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004.

³³ Сайт Института развития гражданского общества и местного самоуправления (28.03.07), Информационно-аналитический портал «Современная Россия» www.c-society.ru.

ностей пейзажа и быта, совершенно не вытекающих из документов дела. К примеру, непонятно, откуда появляются сведения о том, что Таврин якобы украл в Лётценском лагере 130 рублей из чужих писем и поставил эти деньги на кон в карточной игре, после чего попался на шулерстве и был за это избит другими военнопленными. Помимо того, что такие сведения можно было почерпнуть лишь от непосредственных свидетелей инцидента или из немецких документов, это было совершенно невозможно и по иной, объективной причине. В лагерях ОКВ для военнопленных никакие деньги не обращались, вместо них с осени 1939 года были введены специальные купоны. Да и вообще, сведения о карточной игре в среде советских военнопленных выглядят довольно необычно и вызывают крайнее сомнение.

Не вызывает доверия и утверждение Михайлова о том, что после первого побега из-под стражи в Саратове Шило якобы обжег верхнюю часть собственного паспорта и получил взамен него новый на фамилию Гаврин, а затем дорисовал первую букву до известного нам варианта. Эта история абсолютно нереальна и выдает игнорирование ее автором техники паспортного учета в СССР (подробнее анализируется далее). Судя по всему, Михайлов просто некритически отнесся к фантазиям подследственного, а потом и творчески развил их. Он утверждал также, что Таврин был послан в разведку с двумя рядовыми бойцами. Совершенно невозможная ситуация, поскольку если бы даже командира пулеметной роты и отправили в зафронтовую разведку, то только как прикомандированного к полноценной разведгруппе со штатными разведчиками.

Автор обращал внимание на то, что немцы закрывали глаза на многие нечистоплотные поступки Шило-Таврина, и объяснял это практикой спецслужбы, существенно облегчающей управление агентом, если тот подвержен различным порокам. С таким доводом, хотя и с некоторой натяжкой, можно согласиться. Однако очень странно звучит утверждение о том, что Тавриным заинтересовалось гестапо, после чего его зачислили в школу, готовившую агентуру для разведки. Как правило, различные ведомства передавали друг другу своих агентов лишь в исключительных случаях.

Есть у автора и ошибки бытового плана. В частности, он писал: «Скрывался в Иркутске, потом в Воронежской области, у жены, которая работала учительницей в тихой станице»³⁴. На самом деле в описываемый период времени станиц в области не было.

Рассматриваемое произведение вообще пестрит массой различных ошибок. К примеру, автор рассказывает о том, что в лагере Лётцен Таврин использовался немцами в отделе пропаганды, где занимался разбором захваченных писем для использования их в целях пропаганды. Между тем эта работа проводилась не в Лётцене и не силами военнопленных, а в восточнопрусском городе Ангербурге, и вели ее вовсе не пленные, а кадровые офицеры вермахта в Отделе регистрации военной добычи при ОКХ, позднее переформированном в Группу III 12-го отдела ОКХ «Иностранные армии – Восток» (ФХО). Автор утверждает, что в период пребывания в Воронеже Таврин работал старшим следователем в прокуратуре города – и одновременно то, что он служил в местных органах НКВД. И таких ошибок, беспочвенных утверждений и нестыковок в тексте очень много.

В целом относиться к данному произведению как к документальному материалу вообще не стоит, по степени достоверности оно ближе к художественной литературе.

Следующим автором, исследовавшим рассматриваемую операцию, стал Вадим Абрамов, изложивший результаты своей работы на страницах книги «"СМЕРШ". Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха»³⁵. Он обильно цитировал уже упомянутую нами статью А. Шлаена «Волчья охота» и во многом соглашался с высказанными в ней

³⁴ Михайлов А., Томаровский В. Указ. соч. С. 64.

³⁵ Абрамов В. «СМЕРШ». Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. М.: Яуза; Эксмо, 2005.

сомнениями относительно правдивости канонических версий. Вслед за автором «Волчьей охоты» Абрамов не верит в подлинность снимка с немецким офицером и уже самостоятельно фиксирует ряд нестыковок в канонической версии о срыве покушения. Он отмечает непонятный разноречивый вариант повода для задержания агентов, в качестве которого фигурируют как упомянутая выше сухая одежда, так и добытая советской агентурой в рейхе разведывательная информация. Абрамов вслед за Шлаеном резонно недоумевает: почему ни «фрау Зейферт», ни ее источник никогда и нигде не фигурировали в литературе по истории нелегальных операций НКВД/НКГБ или ГРУ? Если они существовали на самом деле и не рассекречивались по причине строгой законспирированности, то совершенно непонятно выглядит их «засветка» на страницах книг, посвященных только одной теме, и нигде более. Серьезные сомнения вызывает у автора возможность увезти на мотоцикле три чемодана с учетом того, что в коляске ехала Шилова. Он также обращает внимание на отсутствие наградных лиц, причастных к поимке опасных агентов противника, совершенно не характерное для аналогичных ситуаций.

Довольно кратко, но взвешенно освещается «дело Таврина» в книгах Вячеслава Звягинцева: «Война на весах Фемиды»³⁶ и «Трибунал для героев»³⁷. Во второй из них впервые опубликован крайне полезный для исследователей документ – заключение Главной военной прокуратуры РФ по делу Шило (Таврина) и Шиловой (Адамчик). К сожалению, вопреки всем канонам юридических публикаций, это заключение почему-то оказалось никак не датированным, а ссылка на надзорное производство ГВП, в отличие от большинства подобных ссылок в той же книге, не содержит номера этого производства. Однако автору настоящего издания удалось получить ответ ГВП, в котором сообщается дата документа – 11 мая 2002 года³⁸. В этом же письме уточняется название опубликованного Звягинцевым документа: «Заключение об отказе в реабилитации по уголовному делу в отношении Шило (он же Таврин) П. И. и Шиловой (она же Адамчик) Л. Я.», а также подтверждается аутентичность опубликованного в книге текста.

В номере 13 (248) газеты «Военно-промышленный курьер» за 13–19 августа 2008 года появился очерк Владимира Макарова и Андрея Тюрина «Дело Таврина» и радиоигра «Туман». Как явствует из заголовка, он был посвящен в основном аспектам радиоигры. Материал интересный, ценный в информативном отношении, но не лишен некоторых недостатков и фактических ошибок. В частности, в нем старший лейтенант милиции Ветров ошибочно назван начальником Гжатского РО НКВД, а не Кармановского, кем он был в действительности на момент ареста Таврина и Шиловой. Эта же ошибка повторена авторами и в их следующей публикации на данную тему.

Таковой является представляющая немалый интерес и вышедшая в 2009 году книга «Лучшие спецоперации СМЕРШа: война в эфире»³⁹, в которой впервые в открытых источниках приведены материалы из судебно-следственного дела Таврина, касающиеся периода его пребывания у немцев. К сожалению, авторы не подвергли этот источник критике, что существенно снизило ценность их работы. В книге также допущен ряд искажений первоисточников и другие неточности. В частности, они с ошибкой цитируют сообщение НКВД

³⁶ Звягинцев В. Война на весах Фемиды. Война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006.

³⁷ Звягинцев В. Трибунал для героев. М.: Олма-пресс – Образование, 2005.

³⁸ Письмо из ГВП РФ на имя автора от 7 мая 2009 года № 4ук-31493—51.

³⁹ Макаров В., Тюрин А. Лучшие спецоперации СМЕРШа: война в эфире. М.: Яуза; Эксмо. 2009.

СССР, НКГБ СССР и ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР № 4126/М в Государственный Комитет Обороны о задержании немецких агентов, заброшенных в советский тыл с целью совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, и почему-то именуют Шилову Лидией Петровной (вместо Лидии Яковлевны). Сообщнице Таврина не повезло в данной книге еще как минимум трижды. Помимо уже указанной ошибки, в биографической справке на стр. 373 она именуется Лидией Васильевной. Авторы писали также о ее документах прикрытия, якобы выданных на имя Тавриной Лидии Яковлевны, чего в действительности не было, в них везде фигурировала фамилия Шилова. Ошибочно также и утверждение о том, что настоящая фамилия женщины была Адамчик. Это была девичья фамилия Лидии, но после выхода замуж еще до войны она официально сменила ее на Шиллову. Сильным преувеличением авторов является утверждение о том, что российские читатели узнали о деле Таврина только из книги Д. П. Тарасова «Большая игра» и сборника «Лубянка, 2». Как видно из материалов настоящей главы, знакомство широкой общественности с этим делом произошло приблизительно на три десятка лет раньше. Снова, как и в газетной статье, неверно указывается райотделение НКВД, которое возглавлял старший лейтенант Ветров. Довольно парадоксально звучит неизвестно на чем основывающееся и не встречающееся более нигде утверждение о том, что агенты после высадки ехали на мотоцикле экзотической марки «Харлей». Авторы также ошиблись в идентификации конкретной модели пистолета «Веблей-Скотт», использовавшегося террористом, и вместо модели 1906 года со свободным затвором подробно описали устройство совершенно иной модели 1915 года с подвижным стволом. Безусловно, никакого принципиального значения данная ошибка не имеет. Зато существенное значение имеет ошибочное утверждение об изъятии у террориста при аресте гранатомета, тогда как в действительности это оружие было брошено им на месте приземления самолета.

Несомненно, важны в книге и два других аспекта: в ней впервые была разоблачена несостоятельность бытовавшей версии относительно информации о заказанном Тавриным в рижском ателье кожаном пальто с одним уширенным рукавом и о заблаговременном поступлении этой информации в советскую контрразведку, что якобы и стало основанием для розыска планировавшегося к заброске террориста. Кроме того, авторы опровергли традиционно распространявшиеся ложные сведения об обучении Таврина в разведшколе в Брайтенфурте и о выдаче им там антигитлеровски настроенных курсантов.

В целом книга интересна и действительно полезна, несмотря на отсутствие критики первоисточника. Следует, однако, отметить, что в части «дела Таврина» она ограничивается определенным кругом вопросов и практически не затрагивает не только его личность в целом, но даже и обстоятельства ареста.

В списке литературы, освещающей рассматриваемую операцию, имеется и моя книга «Негласные войны. История специальных служб. 1919–1945»⁴⁰. Следует самокритично отметить, что, несмотря на ряд справедливо и впервые поставленных в ней вопросов, и она не лишена недочетов. В период написания книги мне не удалось обнаружить в списках генералов РККА В. Н. Загладина, и я ошибочно усомнился в реальности существования данного человека. Кроме того, я некритично отнесся к сведениям о получении информации о готовящейся акции от внешней разведки, вслед за другими авторами полагал К. Ф. Федосеева начальником Кармановского райотделения⁴¹ НКВД вместо НКГБ, а старшего лейтенанта милиции Ветрова ошибочно посчитал начальником не Кармановского, а Гжатского

⁴⁰ Ландер И. И. Негласные войны. История специальных служб. 1919–1945. Одесса: «Друк», 2007.

⁴¹ С РО НКГБ ситуация была аналогичная РО НКВД, Кармановское районное отделение НКГБ подчинялось Гжатскому районному отделу.

РО НКВД. Несмотря на это, изложенная в указанной работе версия, по моему убеждению, до выхода настоящей книги являлась наиболее близкой к реальности.

Безусловно, «дело Таврина» упоминалось еще во многих печатных источниках, но либо очень фрагментарно, либо в совершенно фантазийном варианте. Среди них следует упомянуть мемуары бывшего начальника СД-аусланд Вальтера Шелленберга, в которых идет речь о ряде попыток покушения на Сталина. Однако часто цитировавшийся отрывок о двух бывших офицерах Красной Армии, сброшенных с парашютами в советском тылу и после этого не вышедших на связь, слишком уж отдаленно напоминает рассматриваемую операцию. Можно, конечно, предположить, что Шелленберг просто забыл ее подробности и перепутал обстоятельства, но в это мало верится. Такая акция была более чем неординарной, да и писались мемуары спустя всего лишь несколько лет после войны, потому подобная забывчивость очень сомнительна.

В контексте данного обзора следует отметить книгу О. С. Смыслова «Иуды в погонах», в которой имеется посвященная Таврину глава «Террорист или авантюрист»⁴². В ней автор излагает обнародованные факты по рассматриваемому покушению, допуская при этом немало ошибок и позволяя себе домысливать обстоятельства, что для документальной книги, увы, нежелательно. Так, например, он путает девичью фамилию Шиловой (Адамович вместо Адамчик), описывает устройство совершенно иной модели пистолета «Веб-лей-Скотт», а не той, которая была изъята у террориста, указывает, что «роль Жиленкова в деле Таврина была установлена»⁴³, не интересуясь при этом, предъявлялось ли Жиленкову на суде соответствующее обвинение. Однако все это можно было бы отнести к категории допустимых огрехов, хуже другое. Совершенно не поинтересовавшись этапами биографии фигуранта, Смыслов пишет: «Таврин воевал в 1196-м полку, что называется, с первого дня. В конце августа 41-го прибыл на формирование дивизии в Уральский военный округ»⁴⁴, хотя в действительности будущий террорист пребывал в данный период в совершенно другом месте. Автор утверждает, что Таврин участвовал в кровопролитных боях декабря 1941 года в качестве командира роты, десятки раз мог погибнуть и досрочно получил звание старшего лейтенанта. Это не имеет ничего общего с действительностью, ибо в 359-й сд он появился только 5 февраля 1942 года и попал отнюдь не на передовую, да и то не в полк, а до весны пребывал в интендантском отделе управления дивизии. Смыслов путал смысл статей боевого устава пехоты и из одному ему известного источника почерпнул сведения о том, что в личном деле Таврина в СД отмечались его «природный ум, инициатива и прирожденный дар провокатора»⁴⁵. Увы, отсутствие ссылки на источник вынуждает полагать данный факт авторским домыслом.

О. С. Смыслов полемизирует с моей статьей в еженедельнике «Совершенно секретно», утверждая, что доказать факт заброски Шило-Таврина в качестве агента советской разведки невозможно и что все сведения по данному делу уже известны. Думается, лучшим ответом на такое утверждение уважаемого автора станет данная книга, в которой читатели найдут огромный массив никогда ранее не публиковавшихся документов и сведений, проливающих новый свет на давнюю операцию.

В качестве курьеза заслуживает упоминания посвященный делу Таврина стенд на выставке «90 лет военной контрразведке», проходившей в 2008 году в Центральном музее

⁴² Смыслов О. С. Иуды в погонах. М.: Вече, 2010. С. 148–186.

⁴³ Смыслов О. С. Указ. соч. С. 164.

⁴⁴ Там же. С. 150.

⁴⁵ Там же. С. 162.

Вооруженных сил России. Даже удивительно, как в столь серьезной экспозиции мог появиться короткий текст, содержащий такое огромное количество ошибок:

«Агент немецкой разведки П. И. Таврин. В 1930-е г. г. трижды судим за растрату государственных средств. В 1942 году перешел на сторону немцев и согласился работать на германские спецслужбы. Перед ним поставили задачу совершить покушение на И. В. Сталина (операция «Цеппелин»). 5 сентября 1944 года он и его жена были доставлены самолетом в район Ржева со спецснаряжением. Вскоре были задержаны советскими контрразведчиками и дали согласие участвовать в радиоигре с немцами. Расстреляны в 1950 году».

В одном абзаце уместились и указание более вероятной фамилии фигуранта, и ничем не подтвержденное заявление о трех его судимостях, и выдуманное название операции, и неточное указание места высадки агентов, и приписывание их задержания контрразведке, и ошибочное указание года расстрела. Все это можно было бы рассматривать как курьез, если бы не одно весьма грустное обстоятельство. Подобные «ляпы» непростительны даже для журналистов, а вот от военной контрразведки, организовавшей данную выставку, посетители были вправе ожидать точной информации, а не фантазий и домыслов.

Не обошли вниманием «дело Таврина» и кинодокументалисты. В отличие от «печатных» историков, они посвятили ей несколько документальных лент целиком. Первым фильмом на эту тему является вполне серьезная работа «Заклученный № 35» – составная часть документального сериала «Лубянка» (телекомпания «Останкино»). В ней широко используются документальные материалы, но она отнюдь не свободна от массы недочетов. Помимо некоторых концептуальных вопросов, можно отметить абсолютно некритическое отношение к воспоминаниям бывшего начальника РО НКГБ в Кармановском районе Смоленской области К. Ф. Федосеева и неоправданное приписывание Скорцени заслуг в Южной Италии и Иране. Совершенно непонятна причина, по которой начальником главной команды «Руссланд Норд» вместо Отто Крауса назван Хайнц Грэфе, и почему этот текст озвучен на фоне фотографий начальника ауссенкоманды-1 главной команды «Руссланд Норд» «Цеппелин» Георга Грайфе. Обращает на себя внимание ряд мелких огрехов. В частности, неясно, как можно разглядеть ордена на груди проезжающего мотоциклиста, если на его китель надето и застегнуто пальто. Неверно утверждение о том, что в момент посадки самолета у него оторвались баки и это спасло «Арадо» от пожара и взрыва. В действительности баки не отрывались, хотя бы по той причине, что в Ar-232 они не подвесные, а находятся внутри крыльев и фюзеляжа. А вот одна из мотогондол как раз оторвалась и загорелась, что подвергло самолет большой опасности. Имеются и другие нестыковки и неточности. В частности, весьма странно для профессионала звучит обобщенное именование начальников районных отделов НКВД и НКГБ «сельскими особистами». Несмотря на это, фильм «Заклученный № 35» выгодно отличается от далее рассматриваемого фильма «Ликвидаторы» и на сегодняшний день определенно является лучшим из видеоматериалов по «делу Таврина».

Следующий, выпущенный в 2007 году фильм «Ликвидаторы» из документального сериала «Следствие вели...» (НТВ) является едва ли не самым цветистым из всех посвященных рассматриваемой операции печатных и видеоматериалов, претендующих на достоверное изложение обстоятельств дела. В нем совершенно не фигурирует название «Цеппелин», зато несколько раз упоминается абвер и, конечно же, Отто Скорцени. Причем в фильме даже цитируется неизвестно откуда взятое его донесение лично Гитлеру, в котором указывается кодовое обозначение операции «Шип розы». Вопреки имеющимся в материалах дела данным, авторы утверждают, что будущую жену познакомили с Тавриным во время его нахождения в госпитале после операции по нанесению на его тело шрамов, имитирующих ранения. В действительности же их брак был зарегистрирован месяцем ранее. Опять повторяется

расхожая версия о том, что Шилова являлась личным агентом начальника РСХА Кальтенбруннера и должна была ликвидировать мужа в случае возникновения сомнений в его лояльности.

Авторы фильма вновь предлагают зрителю знакомую историю о советских агентах в Берлине фрау Зейферт и неназванном офицере СС и утверждают, что они передали в Центр информацию о начале подготовки террориста с особым заданием. Далее версия развивается. К ней подключают операцию «С Новым годом», проведенную партизанами против располагавшейся в деревне Печки германской разведшколы, в ходе которой в захваченных документах якобы обнаружены сведения о некоем особом агенте, отправленном на дальнейшую подготовку в Ригу. Вновь упоминается советский агент в рижском ателье, сообщивший местным подпольщикам о странном заказе кожаного пальто с уширенным рукавом. Однако создатели фильма на этом не останавливаются и повествуют о том, что заказчик в парадном жилого дома застрелил двоих проследивших за ним подпольщиков. Вновь утверждается, что подготовка Таврина обошлась рейху в совершенно немыслимые 2 миллиона марок (уже хорошо, что не в указывавшиеся ранее 5 миллионов). Для сравнения сообщается цена танка «Тигр», якобы достигавшая 100 тысяч марок, но это неверно. В действительности полностью экипированный и вооруженный танк Pz.Kpfw Tiger Ausf E обходился вермахту в 299 800 марок, а без радиооборудования и вооружения – в 250 000⁴⁶. Тем не менее названные расходы несопоставимы с реальностью. Отмечается также несколько мелких неточностей, например, утверждение о том, что именно «Панцеркнакке» явился прообразом последующих реактивных противотанковых гранатометов, а также о проведенных Скорцени блестящих диверсионных операциях на юге Италии (помимо операции «Дуб» по освобождению Муссолини) и в Иране.

Обстоятельства задержания террористов излагаются в фильме следующим образом: находившийся в засаде начальник райотделения НКВД Ветров в одиночку остановил мотоцикл для проверки. Он уже совсем было собирался отпустить Таврина и Шилу, но их сухая и чистая одежда вызвала у него подозрения. Указывается, что старший лейтенант милиции решил самостоятельно проверить багаж, обнаружил в одном из чемоданов шпионское снаряжение и после короткой схватки надел на Таврина наручники. Участие перевербованных агентов в радиопредаче «СМЕРШа» «Туман» не упоминается.

Все это, мягко говоря, абсолютно нереально. Не говоря уже о серьезных сомнениях в способности тылового милиционера задержать обученного террориста, Ветров не имел абсолютно никаких прав производить проверку багажа контрразведчика, предъявившего ему свои служебные документы. В действительности при попытке сделать это сотрудник «СМЕРШа» имел полное право пресечь такое посягательство с применением табельного оружия. Далее, некое «шпионское снаряжение», даже будучи найденным, не являлось компрометирующей уликой, поскольку вполне законно могло оказаться в багаже любого контрразведчика. Потому никакое задержание милиционер проводить не мог, а максимум, на что он имел право – это пригласить остановленного офицера проехать с ним в райотделение для установления некоторых обстоятельств.

В фильме обращает на себя внимание еще ряд сомнительных моментов. Например, там упоминается об обстреле и повреждении «Арадо» над станцией Куровская, после которого самолет повернул обратно и «в районе Смоленска плюхнулся на землю». Источник такой информации не указывается, а узнать о нем было бы крайне любопытно. Как будет показано в дальнейшем, «Арадо» даже близко не пролетал около этой станции, да и вообще не

⁴⁶ Hahn, Fritz. *Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933#1943. Band 1 & Band 2*. Koblenz: Bernard & Graefe Verlag, 1987. P. 214.

получил никаких повреждений от огня с земли. И сама деревня Яковлево находится хотя и в Смоленской области, но совершенно не в районе Смоленска.

Зато крайне интересен показанный в фильме единственный документ из следственного дела: справка о приведении в исполнение приговора к ВМН уроженца Черниговской области Шило-Таврина Петра Ивановича 1909 года рождения. То есть человека, которого никогда в природе не существовало: ведь фигурант дела был либо Шило, либо Тавриным, но никак не Шило-Тавриным. Подробнее этот вопрос будет разобран далее в тексте книги.

Невозможно положительно отозваться о посвященном «делу Таврина» фильме «Операция «Туман» – первом фильме сериала «Особый отдел», вышедшего на телеканале «Звезда» в декабре 2008 года. Главный консультант – руководитель Департамента военной контрразведки ФСБ РФ генерал-полковник А. Безверхний, старшие консультанты – научный сотрудник ЦА ФСБ РФ, доцент В. Макаров, ветеран военной контрразведки, бывший сотрудник Особого отдела берлинского гарнизона ГСВГ, писатель А. Корнилков, заместитель руководителя ДВКР ФСБ РФ контр-адмирал С. Коренков, Н. Кручик. Рядовые консультанты не указаны, в конце фильма выражается благодарность начальнику ЦОС ФСБ РФ, автору многочисленных книг и статей о спецслужбах О. Матвееву. И сценарист и, увы, перечисленные именитые консультанты наглядно продемонстрировали свою полную некомпетентность не только в данном конкретном вопросе, но и в организации и практике деятельности германских и советских спецслужб вообще. В противном случае в нем не появлялись бы такие формулировки, как «Особый отдел НКВД “СМЕРШ”», а полковник (позднее генерал-майор) вермахта, начальник диверсионного отдела абвера Эрвин Лахузен не именовался бы оберштурмбаннфюрером, не возникал бы дикий гибрид в виде «вмонтированного в авто-ручку пистолета Веблей-Скотт». Там присутствует утверждение о том, что план покушения на Сталина якобы одобрил начальник абвера адмирал Канарис, сообщается об опознании Таврина оперуполномоченным ОО Васильевым, фигурант якобы «дал согласие на сотрудничество с немецкой военной разведкой и был направлен в спецлагерь СД». Излагаются невероятные вещи о наличии в конструкции «Арадо» 20-колесного шасси и 12 каучуковых катков гусениц, и так далее. Более того, по словам авторов фильма, информация к мифической советской агентессе фрау Зайферт (Зейферт) поступила от куратора операции Хенгельхаупта! Это не говоря уже о том, что радиоигра «СМЕРШ» с привлечением Таврина и Шиловой в действительности обозначалась литерой Э-308, а слово «Туман» служило кодовым обозначением их передатчика, но никак не обозначением самой операции. Впрочем, авторы фильма заранее весьма своеобразно подстраховались от обвинений в незнании исторических обстоятельств и беспочвенном фантазировании. Демонстрацию фильма предваряют обескураживающие титры: «Фильм построен на материалах военной контрразведки. В процессе реконструкции событий реальные факты сознательно подвергнуты переработке и введен элемент художественного вымысла». Зачем в документальном фильме нужен вымысел – неясно. Равно как неясно и то, как можно было строить сценарий только на материалах военной контрразведки, имевшей отношение лишь к некоторым сторонам данного дела. А более всего неясно, зачем авторам понадобилось запутывать зрителей и фантазировать в рамках достаточно широко известной истории несостоявшегося покушения. Ничего из перечисленного они, естественно, не объясняют.

По теме покушения ничего нового в этом фильме сказано не было, зато он изобилует собственными загадками. Одной из них является указание в качестве автора сценария Игоря Дмитриева. При попытке связаться с ним через редакцию телеканала «Звезда» неожиданно выяснилось, что в действительности сценарий написан известной писательницей Еленой Езерской, которая сообщила, что фамилия Дмитриева попала в титры всех серий сериала по ошибке (!). Однако на просьбу автора выяснить источник заинтересовавшей его информации из фильма она ответила, что не помнит его происхождения и для выяснения свяжется

«со сценаристами» (!). Выяснить, кем таковые являются, не удалось, так что у сериала, по крайней мере его первого фильма, оказалось три уровня авторов сценария, из которых один ошибочный, один полусекретный, а один – полностью засекреченный. Крайне интересно, что в дальнейшем титры были откорректированы, и в качестве авторов сценария в окончательном варианте появились все та же Елена Езерская и вездесущий Владимир Макаров!

Накануне Дня Победы в 2009 году телеканал «Россия» показал еще одну документальную ленту А. Тадевосяна под названием «Убить товарища Сталина», целиком основанную на рассматривавшейся выше публикации А. Г. Михайлова «Хлестаков из “Цеппелина”». Ничего нового ни в аргументацию, ни в видеоряд фильм не внес, наоборот, еще более запутал неподготовленных зрителей. В частности, в нем утверждается, что решение об устранении советского лидера Гитлер принял после известного покушения на него 20 июля 1944 года. Данный тезис не выдерживает никакой критики, поскольку указанной дате не только не соответствует весь предыдущий курс подготовки Таврина, с ней невозможно увязать и первый, отмененный вылет террориста в советский тыл. Кроме того, не имеется абсолютно никаких свидетельств того, что Гитлер относил попытку своего устранения на счет СССР. В этой части содержание фильма не выдерживает даже поверхностного исторического анализа.

* * *

До сих пор мы анализировали только открытые источники информации. Однако для всестороннего и правильного понимания ситуации следует рассмотреть и те ранее грифованные издания, в которых в свое время помещалась информация о «деле Таврина». Поскольку оно всегда упоминается в истории советской контрразведки, целесообразно было бы поместить в ее учебные и справочные издания множество важных подробностей, предназначенных для читателей, обладающих допуском к секретной информации. Кроме того, поскольку эти издания не предназначены для посторонних глаз, в них обычно уменьшается пропагандистская составляющая.

В первую очередь логично посмотреть, как данная история доносилась до курсантов Высшей Краснознаменной школы КГБ СССР. Учебник по спецдисциплине СД-11 «История советских органов государственной безопасности» издания 1977 года имел гриф «Секретно», снятый после того, как в 1992 году в Прибалтике его содержимое было обнародовано и стало общедоступным. После этого, естественно, книга подверглась процедуре рассекречивания, так что теперь у нас есть возможность заглянуть в нее, не нарушая закон. «Дело Таврина» описывается в главе IX «Органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы)». Рассказ крайне лаконичен и даже менее конкретен, чем информация в общедоступной литературе. Для того, чтобы читатели могли убедиться в этом сами, приведем его полностью:

«Несмотря на срыв советской контрразведкой операции по убийству глав правительств союзных держав, собравшихся на Тегеранскую конференцию, Гитлер все еще не оставлял надежды на изменение хода Второй мировой войны путем организации террористических актов против руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. С этой целью с сентября 1942 (ошибка авторов – с лета 1943 года. – *И. Л.*) по август 1944 года «Цеппелин» готовил операцию по убийству видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства. В сентябре 1944 года в район Москвы были заброшены два террориста, один из которых должен был проникнуть в здание Большого театра в момент проведения торжественного заседания, посвященного 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, и совершить преступный акт. Террористы имели при себе порта-

тивную коротковолновую радиостанцию, специальный аппарат «Панцеркнакке» с девятью снарядами, семь пистолетов разных систем, магнитную мину с радиоприборами, предназначенную для производства взрыва с расстояния нескольких километров, шифры, коды, чистые бланки фиктивных документов, печати и штампы различных советских учреждений и 429 тысяч рублей. Фашистская разведка изготовила для одного из террористов специальные документы на имя майора Красной Армии П. И. Таврина, снабдила его орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского и Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», поддельными орденскими книжками и вырезками из советских газет с сообщением о присвоении ему звания Героя Советского Союза и перечисленными орденами и медалями.

Однако тщательно подготовленная «Цеппелином» операция и на этот раз провалилась. Вражеские террористы были задержаны органами государственной безопасности»⁴⁷.

Весьма лаконично, намного короче, чем рассказывалось в том же учебнике о других случаях. И с явными проблемами в логике: Тегеранская конференция в 1942 году еще даже не задумывалась, а Гитлер, по словам авторов, уже продумывал действия ввиду срыва советской контрразведкой германских планов по убийству лидеров участвовавших в ней государств! Но дело даже не в этом.

Как видим, будущим контрразведчикам об этом разрекламированном деле сообщали куда меньше, чем обычным гражданам. Напрашивается очевидный вывод о том, что гордиться контрразведке в данном деле было просто нечем, а мифических «фрау Зейферт» и иных вымышленных персонажей вводить в учебник совершенно справедливо не стали. Но, возможно, по методическим соображениям планировалось не перегружать учебный процесс эпизодом из далекого прошлого? В это поверить трудно, однако проверить можно. Для сравнения следует посмотреть, что именно по данному вопросу содержалось в других секретных изданиях, предназначенных уже далеко не для курсантов. В многотомном, почти академическом сборнике документов по истории органов госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне, на базе которого в настоящее время выпускается также многотомное открытое издание, «дело Таврина» не обойдено стороной. Логично было бы обнаружить там обвинительное заключение, но его нет. Возможно, по причине того, что оно было составлено в более поздний период, в 1952 году. Однако даже с привязкой к 1944 году информацию можно было бы дать и более обширную. И в секретном, и в открытом изданиях содержится только один документ: сообщение НКВД СССР, НКГБ СССР и ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР № 4126/М в Государственный Комитет Обороны о задержании немецких агентов, заброшенных в советский тыл с целью совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства. Рассмотрим публикацию подробнее. Как и следовало ожидать от документа данного периода, на месте фамилий лиц, в отношении которых планировалось покушение, стоят прочерки. В сообщении не акцентируются мелкие детали задержания, что, впрочем, вполне оправданно для информирования столь высокой инстанции. Зато довольно детально перечисляются изъятые у агентов элементы экипировки, хотя и не указывается, что некоторые из них были просто брошены в самолете, а другие – по пути следования. Представляет интерес информация о прошлом арестованного, в особенности сведения о ее достоверности. В сообщении отмечается, что проверкой подтверждены факты пребывания Таврина в 28-м запасном стрелковом полку и то, что его настоящее имя – Шило Петр Иванович. Кроме того, сообщается об опознании его как Таврина лицами, знавшими арестованного по Свердловской области. Предельно кратко излагаются обстоятельства подготовки и ареста и достаточно обстоятельно – содержание полученного от «Цеппелина» задания. Обращают на себя внимание три обстоятельства. Во-первых, в документе в

⁴⁷ История советских органов государственной безопасности: Учебник. М.: ВКШ КГБ при СМ СССР, 1977. С. 338–339.

качестве завербовавших и забросивших агентов органов правильно указываются СД и «Цепелин», поэтому неясно, отчего в других цитируемых документах, в частности, послуживших основанием для заключения ГВП РФ, неоднократно фигурирует гестапо. Во-вторых, непонятна причина, по которой арестованный в тексте сообщения везде именуется исключительно Тавриным, хотя в этом же документе его настоящей фамилией названа Шило. Зато при этом Шилова везде именуется правильно. В-третьих, умалчивается существенное обстоятельство: наличие у Таврина документов не просто на майора Красной Армии, а на майора из контрразведки «СМЕРШ». Возможно, руководители трех оперативных ведомств решили не заострять внимание инстанций на данном обстоятельстве во избежание неприятных параллелей. Из других особенностей публикации можно отметить отсутствие упоминания о проверенных обстоятельствах и опрошенных свидетелях перехода Таврина к противнику и вообще направления его в разведку. Кроме того, при написании сообщения еще не все летчики «Арадо» были пойманы: «3 члена экипажа задержаны, 1 убит, 2 разыскиваются»⁴⁸.

Несмотря на определенную ценность публикации данного документа, столь фрагментарное освещение «дела Таврина» в секретном ведомственном (позднее открытом общедоступном) издании подобного объема и детализации вызывает удивление. В том же многотомнике помещены рапорты рядовых чекистов с просьбами направить их на фронт, донесения мелких разведгрупп тактического уровня и прочие, намного менее интересные исследователям материалы. Нет ни протоколов допросов арестованного Таврина, ни протоколов его задержания и обыска, ни прочих весьма существенных документов.

* * *

В целом можно констатировать, что имеющиеся в открытой печати материалы по рассматриваемой операции фрагментарны, противоречат не только друг другу, но зачастую также документам, практике и здравому смыслу. Во многих из них четко прослеживаются идеологические установки, сказывается нехватка документального материала, а в ряде публикаций – и прискорбное незнание их авторов с теорией и практикой разведывательной и контрразведывательной работы.

⁴⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 5, кн. 2. Границы СССР восстановлены. 1 июля – 31 декабря 1944 года. М.: Общество изучения истории отечественных спецслужб, «Кучково поле», 2007. С. 377.

Предыстория

В деле Шило (Таврина) есть немало белых пятен, но самым неисследованным периодом, несомненно, является его предвоенная биография. Следствие, по сути, оставило открытым важнейший вопрос о том, кем все-таки был человек, под одной и той же фамилией в 1942 году перешедший линию фронта в одну сторону, а в 1944 году – в обратную, арестованный при весьма нетривиальных обстоятельствах и безымянно пребывавший во внутренней тюрьме НКГБ/МГБ до 1952 года? Вероятно, точный ответ на него не будет получен никогда. Юридически сформулировано, что несостоявшийся террорист не был ни Гавриным, ни Серковым, ни Тавриным. Казалось бы, ясно. Но тогда почему у якобы не существовавшего в природе Петра Ивановича Таврина на станции Аркадак в Саратовской области проживала вполне живая и реальная бабка Анна Дорофеевна Родина, в 1946 году сообщившая о своем пропавшем без вести внуке переписчикам местного военкомата? Да и был ли несостоявшийся террорист Петром Ивановичем Шило, против чего есть масса аргументов? Похоже, что выяснение этого обстоятельства не слишком интересовало советскую контрразведку, поскольку, судя по всему, материалов о проведенной полагающимся образом его установке в деле нет. Во всяком случае, возникает полное ощущение такого отсутствия. Был установлен лишь сам факт рождения человека с такими фамилией, именем и отчеством в 1909 году в указанном им же населенном пункте, но не более того. Идентификация подследственного именно как Петра Ивановича Шило не производилась. Сказанное им просто принималось на веру, в отдельных случаях выполнялась чисто формальная проверка, что выглядит весьма странно. В частности, вспомним показания Таврина на допросе в Москве в 1944 году о получении им паспорта на эту фамилию по фиктивным справкам. Ему не задали ни единого вопроса о том, как такое стало возможным, по каким справкам и где он осуществил это, кто содействовал ему в совершении данного уголовного преступления. Вспомним о существовании Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 года № 57/1917 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» и не менявшийся с 1932 года порядок получения паспорта взамен испорченного или пропавшего. Претендент на получение нового документа должен был явиться на прием к паспортистке по месту прописки. Та сличала со своей картотекой его заявление и остатки паспорта, если таковые имелись, а также в обязательном порядке метрическую запись о рождении, и лишь при отсутствии расхождений заполняла специальную форму, с которой следовало явиться в паспортный стол соответствующего районного отдела милиции. Там ее сверяли с контрольным листком к паспорту, в котором имелаась фотография (правда, обязательное фотографирование было введено только в 1937 году, до этого фотографии имелись не во всех контрольных листках и даже не во всех паспортах), и только после этого, да и то не сразу, заявителю выдавали новый документ, естественно, на ту же самую фамилию. При отсутствии метрического свидетельства или заверенной выписки из консисторской книги в таких случаях выдавался отнюдь не паспорт, а лишь трехмесячная справка из милиции. Гражданину надлежало обратиться в суд и получить там постановление, устанавливающее его фамилию, имя, отчество, время рождения и семейное положение, с привлечением свидетелей, без этого новый документ не выдавался. Соответственно, этим способом не мог его получить и фигурант нашего расследования.

При этом весь аппарат паспортной системы в первую очередь был сориентирован не на учет движения населения как таковой, а как раз на розыск лиц, скрывающихся от правоохранительных органов. Ключевым звеном в нем служили кустовые адресные бюро, проверявшие всех новоприбывших по адресным листкам с отрывными талонами, без которых была невозможна прописка и, следовательно, прием на любую работу. Именно в кустовых

бюро все адресные листки сверялись со сторожевыми листками (разыскными карточками на лиц, объявленных во всесоюзный и местный розыск). Параллельно адресные листки проверялись и по книге розыска паспортов для выявления потерянных и украденных документов. Кустовые адресные бюро были созданы для улучшения работы милиции по розыску преступников и осуществляли весьма серьезные функции. В частности, приказ НКВД СССР от 16 декабря 1938 года № 230-сс повторно предписывал:

«На всех граждан, вновь прибывающих в район, независимо от того, на постоянное или временное жительство они прибыли, хотя бы даже и в непаспортизированную местность, листки прибытия должны направляться в кустовые адресные бюро»⁴⁹.

Там листки проверялись на наличие в биографии компрометирующих сведений. При обнаружении таковых, в зависимости от их характера, соответствующая информация либо доводилась до сведения руководства предприятия, на которое поступал проверяемый, либо направлялась непосредственно в уголовный розыск.

Петр Иванович Таврин
или
Петр Иванович Шило?

Конечно, в описываемые годы, как и всегда, неоднократно отмечались случаи нарушения правил выдачи паспортов и торговли ими со стороны коррумпированных работников паспортной системы. В приказе НКВД СССР от 15 августа 1934 года № 0027-сс констатировалось:

«Паспортные органы предоставлены сами себе, работают бесконтрольно, в результате налицо злоупотребления, недостача паспортных документов, торговля паспортами»⁵⁰.

Однако такие случаи все же являлись исключениями, и по каждому выявленному эпизоду проводилось серьезное расследование. И тем более в такой острой ситуации следователь обязан был выяснить у подследственного обстоятельства получения им поддельного паспорта, но признаков того, что его это интересовало, мы отчего-то не видим.

Кроме того, все писавшие о «деле Таврина» почему-то проигнорировали и такой существенный аспект, как воинский учет. А напрасно. Напомним, что в соответствии со статьей 63 Закона СССР об обязательной военной службе от 13 августа 1930 года всем предприятиям и организациям при приеме на работу военнообязанного полагалось требовать от него учетно-воинские документы и проверять в них наличие отметки о постановке на учет по месту жительства. При отсутствии таких отметок военно-учетные столы обязаны

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 1. Л. 459 об.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 46#47 об.

были сообщать об этом местным учетным органам. Данное правило соблюдалось неукоснительно, а тем более в таких случаях, как упомянутые в истории Шило-Таврина пребывания на ответственных должностях старшего следователя воронежской прокуратуры, директора фабрично-заводского училища, начальника Туринской геолого-разведочной партии Исовского золото-платинового приискового управления треста «Уралзолото» или заведующего нефтескладом железнодорожной станции. Следовательно, во избежание проблем он должен был подделать не только паспорт, который, кстати, имел графу об отношении к воинской службе, но и военный билет, что дополнительно усугубляло трудности. Таким образом, история об изобретательном преступнике трещит по швам сразу по нескольким пунктам. Увы, все эти приключения, вполне предусмотренные сразу несколькими статьями Уголовного кодекса, на приговоре не отразились. Потому можно утверждать, что внимание следователя это не привлекло, как и многие другие несообразности, нестыковки и явная ложь, в частности, полная невозможность незаметно переправить заглавную букву «Г» на «Т». Если, конечно, последнее не являлось просто плодом фантазии публикаторов.

Различные авторы, имевшие доступ к материалам дела, сообщают, что в нем имеются упоминания о проживании и работе подследственного в самых разных регионах страны и на разных должностях (причем различные исследователи дают различные списки), включая год обучения в Воронежском юридическом институте и такой же срок работы на должности старшего следователя воронежской прокуратуры. В качестве мест его обитания указываются Мелитополь, Уфа, Бухара, Иркутск, Ташкент, Саратовская, Воронежская и Свердловская области, Туркменская ССР, Краснодарский край. Якобы перед самой войной он заведовал нефтескладом на станции Аягуз Туркестано-Сибирской железной дороги, расхитил государственное имущество и снова скрылся. С другой стороны, указывается, что с 1940 года до призыва в армию в августе 1941 года Таврин работал в Свердловске в геолого-разведочной партии треста «Уралзолото».

Подтверждений почти всему перечисленному, за исключением последнего, нет. Более того, во многих случаях эти сведения вызывают крайнее недоверие из-за их явной ложности. Возьмем хотя бы историю с якобы имевшим место поступлением Таврина по подложным документам в Воронежский юридический институт, что дало ему возможность в течение года работать старшим следователем воронежской прокуратуры. Увы, в описываемое время такого института в этом городе не было. Даже юридический факультет местного университета был закрыт с 1919 по 1958 год, так что в предвоенные годы Шило или же Таврин учиться там на юриста никак не мог. Даже заочное юридическое образование в Воронеже было недоступно вплоть до открытия в городе в 1951 году филиала Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ). Да и в других местах в рассматриваемый период 1933–1935 годов заочное юридическое образование было доступно исключительно в Центральном заочном правовом институте и только для уже действующих судебных и прокурорских работников, юрисконсультов и служащих хозяйственных и государственных учреждений. Как видим, высшее юридическое образование, пусть даже неоконченное, Таврину получить не удалось бы, соответственно не мог он на этом основании и работать в прокуратуре. Кроме того, должность следователя обязательно предполагает наличие допуска к работе с секретными документами, получению которого непременно предшествует спецпроверка. Думается, излишне доказывать, что пройти ее он не смог бы ни при каких условиях. Это не говоря уже о крайней сомнительности назначения человека, за плечами которого был всего один год учебы в ВУЗе, на процессуально самостоятельную должность следователя, к тому же старшего, да еще не в каком-нибудь глухом медвежьем углу, а в крупном областном центре европейской части СССР (отметим, что из-за гибели архивов Воронежской областной прокуратуры документально проверить факт работы фигуранта в ней не представлялось возможным ни в момент его ареста, ни в период следствия). А возможность назначения случайной

личности начальником геолого-разведочной партии Исовского прииска треста «Уралзолото» вообще исключена целиком и полностью. В 1933 году с учетом важности золотоплатиновой промышленности СНК СССР вынес постановление о переименовании Нижне-Туринского района Свердловской области в Исовский район с центром в поселке Ис. Исовские золотой и серебряный прииски в предвоенные годы давали стране две трети ее общей добычи платины, то есть являлись стратегическими объектами со всеми вытекающими последствиями в отношении режима. Вопросы хищений золота и платины в Свердловской области являлись одними из приоритетных в работе местных органов госбезопасности и строго курировались из наркомата. Спецпроверке подлежали абсолютно все работники предприятий и организаций, имевшие отношение к поиску драгоценных металлов, их добыче, извлечению из руд, промышленной обработке, хранению и транспортировке, а также занятые в ряде смежных сфер. При этом их проверяли не просто тщательно, но и очень долго, а до окончания проверочных мероприятий к работе не допускали. К примеру, куда менее важные и ответственные должности рядовых рабочих на оборонных заводах в 1939 году длительное время оставались вакантными из-за излишней обстоятельности и скрупулезности органов государственной безопасности. Аналогичная ситуация наблюдалась по всей территории страны. К примеру, первый заместитель наркома НКВД УССР А. З. Кобулов в своем приказе от 28 апреля 1939 года указывал: «Установлено, что за последние полтора года местные органы НКВД на запросы по спецпроверке лиц, поступающих на работу в оборонные заводы, отвечают, как правило, через 3–4 месяца, а в некоторых случаях через год и больше»⁵¹. А работники золотодобывающей отрасли проверялись намного дотошнее и глубже с целью исключения возможных утечек совершенно секретных карт россыпей золота и платины или хищения самородков и песка. Лишь самоубийца мог решиться работать там по подложным документам, тем более на руководящей должности, подлежавшей утверждению в тресте и в главке Наркомтяжпрома (а после его ликвидации 24 января 1939 года – Наркомцветмета). А вот Таврина без проблем взяли на эту работу и беспрепятственно отпустили с нее, не причинив ни хлопот, ни затруднений. Причем о его работе именно там, в отличие от остальных мест, документальные подтверждения имеются.

Непонятно в предыстории Таврина и многое другое. Например, исследователи никак не могут сойтись во мнениях о количестве его судимостей, называются различные цифры от одной до трех. При этом автор не нашел никаких сведений ни об одной судимости фигуранта. Судя по заключению Главной военной прокуратуры РФ, нет их ни в обвинительном заключении, ни в приговоре суда, а значит, эти факты просто не были установлены. Простейшая проверка по архивам Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации показала, что сведений о предвоенных судимостях Петра Ивановича Таврина, Петра Ивановича Шило и Петра Ивановича Гаврина нет, и это позволяет со стопроцентной уверенностью заключить, что в рассматриваемый период времени фигурант нашего расследования не осуждался ни судом, ни Особым совещанием. Возможно, он и в самом деле арестовывался и бежал из-под стражи, но это далеко не то же самое, что судимость. Соответственно, голословными являются и заявления историков, именующих его рецидивистом. Трудно сказать, почему такую же проверку не провели предыдущие исследователи. Возможно, они элементарно не сочли это необходимым и остались в плену своего заблуждения. А после получения ответа на запрос автора в Государственный архив новейшей истории Саратовской области, в котором сообщается, что «в архиве никаких сведений о Шило (Таврине) Петре Ивановиче 1909 года рождения, в том числе о его трудо-

⁵¹ ГДА СБ Украины. Ф. 9. Д. 26. Л. 71. Цит по: Радянські органи державної безпеки у 1939 – червні 1941 р. Документи ГДА СБ України. К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія, 2009. С. 39.

вой деятельности и проживании в Саратовской области НЕ ИМЕЕТСЯ»⁵², доверие к большинству фактов предвоенной биографии фигуранта тает быстрее, чем снег под весенним солнцем. Архивы Саратовской области сохранились полностью, в них имеются сведения обо всех работниках государственных и кооперативных предприятий, организаций и учреждений, и среди них Шило не значится ни в качестве растратчика, ни в качестве добросовестного работника – вообще никак. Следовательно, его утверждение о первопричинах вступления на криминальный путь полностью ложно. Забегая вперед, отметим, что нам неизвестно, предпринимались ли в 1944 году и позднее попытки проверить заявление подследственного в этом отношении, хотя все возможности для этого имелись. Словом, по мере углубления в дело неясности только множатся и нарастают как снежный ком.

К счастью, даже в настоящее время исследователь располагает возможностью установить некоторые обстоятельства предвоенной биографии и происхождения Шило-Таврина, чем и занялся автор. Начинать, естественно, следовало с самого истока, то есть от рождения фигуранта, поскольку это позволило бы идентифицировать его с определенной степенью точности. А поскольку добросовестному исследователю положено проверять все, выясним ситуацию и с «вариантом Таврин», и с «вариантом Шило», в обоих случаях заявленных в качестве уроженцев села Бобрик Нежинского района Черниговской области. Попутно заметим, что с учетом административно-территориального деления Российской империи «район» следовало заменить на «уезд», а «область» на «губернию».

В период Великой Отечественной войны архивы Черниговской области понесли огромный урон:

«23 августа 1941 г. ... Чернигов претерпел значительные разрушения из-за сильной бомбежки. Прямым попаданием бомб были уничтожены три архивохранилища областного архива... Немецко-фашистские оккупанты нанесли архивам области большой ущерб. Из шести архивохранилищ областного архива четыре архивохранилища... были уничтожены»⁵³.

Однако погибли только некоторые архивные материалы. Уже в первые дни и недели войны УНКВД области начало принимать меры по отбору к эвакуации самых ценных архивных материалов. Одновременно уничтожались документы, утратившие оперативное значение и не представлявшие научно-исторический интерес. На первых порах эта работа осуществлялась на основании весьма общей директивы НКГБ СССР от 24 июня 1941 года № 136 о задачах органов госбезопасности в условиях военного времени. Лишь 30 августа появился секретный приказ НКВД СССР № 0401 «Об охране Государственных архивов в военное время», требовавший обеспечить сохранность от вражеских воздушных налетов и диверсий и в первую очередь эвакуировать «все материалы, имеющие оперативно-чекистское значение, а также списки и картотека на шпионов, провокаторов, диверсантов, чинов полиции, жандармерии и другие контрреволюционные элементы; все наиболее ценные в научно-историческом отношении фонды, части фондов или отдельные документы; дело-производство архивных отделов и государственных архивов и все материалы по личному составу краевых, областных и районных государственных архивов; весь учётно-справочный аппарат архивных отделов и государственных архивов (описи документов, списки фондов, картотеки, указатели и т. п.)»⁵⁴.

⁵² Письмо директора Государственного архива новейшей истории Саратовской области автору № 25-Т-к от 04 мая 2009 года.

⁵³ Публикация на сайте Государственного архива Черниговской области www.chernihiv-arhiv.gov.ua.

⁵⁴ Государственный архив Тверской области. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 294. Л. 5.

Как видим, сотрудники архива Черниговской области, как, впрочем, и многих других областей, действовали с опережением инструкций из центра. Незадолго до упоминавшейся бомбардировки, 5 июля 1941 года, 38 820 дел из 121 фонда были эвакуированы в Ульяновск. Фактически архивисты и чекисты в инициативном порядке выполнили положения изданного почти два месяца спустя упомянутого приказа. К счастью, фонды, относящиеся к бывшему Нежинскому уезду Черниговской губернии, избежали уничтожения или захвата, благополучно пережили эвакуацию и после войны вернулись на место постоянного хранения. Много лет спустя это позволило внести некоторую ясность в исследуемую проблему.

Для начала был выяснен вопрос о личности человека, именем которого назвался арестованный террорист с самого начала, а именно, являлся ли некий рожденный в селе Бобрик Нежинского района Черниговской области Петр Иванович Таврин реальным или вымышленным лицом. На запрос автора Государственный архив Черниговской области ответил кратко и исчерпывающе:

«Сообщаем, что в метрических книгах о рождении за 1908–1910 годы Николаевской церкви местечка Вертеевка (парафия с. Бобрик) Нежинского уезда Черниговской губернии актовой записи о рождении Таврина Петра Ивановича нет»⁵⁵.

Следовательно, Таврин – уроженец села Бобрик был личностью вымышленной, никогда не существовал, и документы на него выдаваться никак не могли. Однако не исключался и вариант с переездом родителей Таврина в Бобрик сразу после его рождения, при котором арестованный агент сам мог не знать, что он родился в другом месте, и искренне заблуждался на этот счет. Существует несколько подзабытый, но все еще вполне эффективный метод контрразведывательной и следственной работы – опрос старожилов, который еще не поздно произвести и сейчас. Это и было сделано, но поиск лиц, помнящих такого односельчанина или его родителей, успехом не увенчался. Пожилые люди, видевшие еще довоенных обитателей села Бобрик, честно пытались помочь, но не смогли вспомнить никого похожего. В результате можно утверждать лишь, что фиктивность данной личности в привязке к году и месту рождения установлена. Что и следовало, скорее всего, ожидать. Это, кстати, вовсе не означает, что интересующий нас Таврин Петр Иванович не существовал в природе, просто он мог родиться в другое время и в другом месте.

Зато с Шило все оказалось совершенно иначе. Архивная справка гласит:

«В архивном фонде Черниговской духовной консистории в метрической книге Троицкой церкви местечка Веркиевка⁵⁶ Нежинского уезда Черниговской губернии за 1909 год имеется актовая запись № 41 от 29 июня 1909 года о рождении Петра.

Дата рождения: 12 июня 1909 года (по старому стилю).

Родители: хутора Бобрика козак Иоанн Павлович Шило и Васса Иоакимовна.

Основание: Ф. 679, оп. 10, д. 1384, л. 98 об.»⁵⁷.

Судя по всему, следователь запросил эвакуированный в Ульяновск архив и получил такой же ответ, истолковав его несколько расширительно. Заключить это можно по тому, что он явно отождествил казака И. П. Шило с кулаком, что в данном случае делать было нельзя. Казаки юга Черниговской губернии в предреволюционный период являлись землевладельцами даже меньшего масштаба, чем простые крестьяне: средний размер их находившегося в потомственной собственности земельного надела составлял 7 десятин, тогда как у крестьян он равнялся 8 десятинам. Впрочем, это не столь существенно. Важно то, что в селе Бобрик в 1909 году действительно родился Петр Иванович Шило. Означает ли это, что именно он

⁵⁵ Письмо директора Государственного архива Черниговской области автору № Т-1842 от 11 сентября 2008 года.

⁵⁶ Раннее название местечка Вертеевка.

⁵⁷ Письмо директора Государственного архива Черниговской области автору № Ш-1984 от 3 октября 2008 года.

и являлся человеком, арестованным 5 сентября 1944 года в поселке Карманово Смоленской области?

Безусловно, нет. Данный установленный факт означает лишь реальность существования лица с указанными именем, отчеством, фамилией и местом и годом рождения, но отнюдь не идентичность такового с пойманным террористом СД. В совместном документе НКВД, НКГБ и «СМЕРШа» в отношении установочных данных П. И. Шило сообщается, что они подтверждены проверкой. Однако обратим внимание на то, что проверкой не подтверждено соответствие человека и фамилии, а с учетом подробно описанных далее непонятных нестыковок биографических и установочных данных фигуранта нашего расследования это вызывает существенные и обоснованные сомнения.

Приведенная архивная справка заставляет также обратить внимание на нюанс, на первый взгляд, не имеющий значения, но в действительности весьма важный. Дело в том, что хутор Бобрик и село Бобрик – это разные, хотя и находившиеся близко друг от друга населенные пункты, и рожденный на хуторе никогда не скажет о себе, что он родился в одноименном селе. Более того, казаки с некоторым презрением относились к крестьянам, дразнили их «селюками» и иными обидными прозвищами, и уже хотя бы по этой причине человек, проводивший свое детство в их среде, спутать село с хутором никак не мог. Так что не исключено, что некто, скрывавшийся под фамилиями Шило и Таврин, просто не обратил внимания на данную тонкость, и это отнюдь не свидетельствует в пользу его идентичности с указанным в справке уроженцем хутора. Справедливости ради следует отметить, что прошедшая в 1930-х годах реформа административного устройства СССР все же могла стереть в памяти различие между селами и хуторами.

Впрочем, и следствие тоже, видимо, не было окончательно убеждено в том, кого же все-таки задержали в Карманове. Из доступных нам следственных материалов (надпись на обложке дела заключенного, протокол приобщения к делу вещественных доказательств, а также справка об исполнении приговора) видно, что речь в них шла не о Шило (Таврине) и Шиловой (Адамчик), а о неких Шило-Таврине и Шиловой-Адамчик, т. е. о людях с двойной фамилией, каковыми они не были. Исходя из этих данных, мы можем обоснованно предполагать, что в качестве таковых они фигурировали и в обвинительном заключении, и в приговоре. Приговор суда – документ в высшей степени серьезный, в нем имеет значение любая буква, и указанная там неверная фамилия дает подсудимому законное основание утверждать, что к ВМН приговорен не он, а какой-то другой человек. Конечно, только в случае, если ему или его адвокату позволили бы сделать такое заявление...

А как полагалось поступить по закону? Допустим, следователь достоверно установил, что подследственный фактически и несомненно является никоим образом не Тавриным, а Шило. В этом случае он обязан был вынести постановление об уточнении анкетных данных, в котором указал бы обнаружившиеся факты и их источники. В резолютивную часть такого постановления непременно вошла бы фраза о том, что подследственного отныне надлежит именовать Шило Петром Ивановичем и что все ранее полученные вещественные доказательства и свидетельства по Петру Ивановичу Таврину следует считать относящимися к Петру Ивановичу Шило. В советском уголовном процессе существовало понятие прозвища, в которое включали как уголовные и прочие клички, так и ложные фамилии. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РСФСР 1922 года, действительно, требовал вносить во вторую, резолютивную часть обвинительного заключения имя, отчество и фамилию обвиняемого, а также, помимо остального, его прозвище. Все это попадало также в приговор и судебный приказ. Однако уже в следующем году после его издания УПК был существенно изменен и упорядочен, в том числе и в данном аспекте (статьи 210, 334 и 368). Отныне формулировка «фамилия и прозвище» изменилась на «фамилия или прозвище», причем последнее попадало в обвинительное заключение, приговор и судебный приказ исключительно в тех

случаях, когда настоящая фамилия подследственного и подсудимого не могла быть точно установлена. Судя по всему, в деле Шило-Таврина возникла именно такая ситуация. Следователь и судьи, оказавшиеся не в состоянии установить истину, на всякий случай указали обе фамилии, чтобы таким способом застраховать себя от серьезнейшей процедурной ошибки. Однако одновременно они расписались и в невозможности окончательно идентифицировать обвиняемого, а впоследствии и подсудимого. Иначе как вопиющим правовым произволом это, как и многократное нарушение процессуальных сроков, и непонятную вольность в добывании и приобщении к делу доказательств (соответствующий протокол датирован 1951 годом!), назвать невозможно. Кстати, точно так же следует квалифицировать и заключение ГВП РФ об отказе в реабилитации и Таврина, и его жены. Составлявший его военный прокурор В. Яковлев, безусловно, увидел все процессуальные нарушения и попытался максимально изящно обойти неудобные моменты путем написания фамилий осужденных в правильном варианте: Шило (Таврин) и Шилова (Адамчик). Беда только в том, что по приговору, на который составлялось данное заключение, были расстреляны лица с иными, как мы видим, фамилиями. Скорее всего, прокурор руководствовался стремлением не выносить сор из избы, но по закону это делает юридически ничтожным данный отказ в реабилитации как относящийся к неким неизвестным людям.

Документы донесли до нас также третью версию личности фигуранта, о которой в открытых источниках не сообщалось ничего. А между тем она вполне конкретна и уже потому требовала тщательной проверки. В именном списке потерь начальствующего состава 1196-го стрелкового полка 359-й стрелковой дивизии указывается, что пропавший без вести Таврин Петр Иванович родился в 1913 году в селе Починки Починковского района Горьковской области на улице Калинина (номер дома не указывался). Безусловно, запись несколько странная, потому, что данная улица до революции не называлась вообще никак – это был так называемый Завраг или Заовражье. Уже хотя бы по этой причине в 1913 году по данному адресу не мог родиться никто. Впрочем, это мелочь – улица под тем же советским названием существует и по сей день, на ней живут люди, туда можно отправить письмо, по ней можно прогуляться. По просьбе автора работники местного архива провели поиск по метрическим книгам и установили, что в указанные годы в Починках человек по фамилии Таврин, Гаврин или Маврин не рождался и не жил. Таких людей нет ни в государственных архивах, накапливавшихся в данном районе с 1938 года, ни в консисторских записях с 1909 года. Следовательно, указанные в именном списке потерь данные были ложными. И именно это весьма и весьма любопытно. Если существует хоть какая-то мизерная степень вероятности того, что в период с февраля по май 1942 года учетные записи в полку и дивизии были сфальсифицированы самим Тавриным, то уж к данной записи он точно не имел отношения, поскольку во время ее совершения пребывал в немецком плену. Она была внесена кем-то другим и при этом не перекликалась с предыдущими ничем, кроме фамилии, имени и должности пропавшего офицера. О том, кто сделал ее и почему, можно лишь строить догадки. Невозможно только списать это на банальную невнимательность. Тут стоит сразу же оговорить, что ни в 1196-м стрелковом полку, ни во всей 359-й стрелковой дивизии другого Петра Ивановича Таврина (как и Таврина с другими именем и отчеством) не было, это проверено автором по всем именным спискам в соответствующих архивных фондах.

С учетом всего сказанного следует констатировать, что для окончательной идентификации родившегося в 1909 году на хуторе Бобрик Петра Ивановича Шило достаточных оснований нет. Мы лишь знаем, что такой человек в свое время рождался, и не более того. Не исключено, что подследственного было просто решено назначить «бывшим Шило», что устроило всех причастных к этому делу представителей властей.

Выборочно оценим некоторые сведения, сообщенные о себе бывшим агентом на следствии. В частности, он утверждал, что в 1936 году окончил Московский институт цветных металлов и золота⁵⁸, а на одном из допросов уверял, что проучился в нем только два года. По некоторым учетным записям, там же он прошел и высшую вневойсковую подготовку (ВВП), что позволило ему надеть офицерские петлицы. Отметим сразу, что среди множества документов о военной службе Таврина автору не удалось найти ни одного, содержащего номер и дату приказа НКО СССР о присвоении ему первичного командирского звания. К тому же два года обучения в вузе не позволяли студенту получить законченное военное образование, это было невозможно ни под каким видом. Данный факт весьма примечателен, поскольку позволяет нам перейти к куда более важному этапу предыстории «дела Таврина», а именно к пребыванию фигуранта в рядах Красной Армии. Помимо того, что этот период его жизни имеет прямое отношение к дальнейшим событиям, он еще и полностью документирован, и это дает нам возможность уверенно перейти из зыбкой области догадок на твердую фактологическую почву. При этом следует отметить примечательный факт: нет никаких сведений о том, что при проведении следствия документы о воинской службе Таврина были каким-то образом использованы. Исключение составляет его фотография в военной форме с петлицами лейтенанта, хотя бы позволяющая идентифицировать арестованного в 1944 году агента-террориста как Петра Ивановича Таврина из 1196-го стрелкового полка 359-й стрелковой дивизии 30-й армии Калининского фронта.

Лейтенант П. И. Таврин

Подведем небольшой промежуточный итог: никто из исследователей и, возможно, также и следствие никак не прореагировали на полную нестыковку различных версий биографии фигуранта. Он в одно и то же время якобы и учился в юридическом институте, и проходил курс в институте цветных металлов и золота, и пребывал в бегах. Далее, якобы он стал Тавриным лишь в 1940 году, то есть все его более ранние документы, вне зависимости от степени их подлинности, не могли быть выписаны на эту фамилию. Тогда каким же образом он мог предъявлять на военной службе документы об образовании, как могли возникнуть документы о прохождении им, т. е. Тавриным, вневойсковой подготовки в период обучения

⁵⁸ Создан приказом Высшего Совета Народного Хозяйства СССР от 17 апреля 1930 г. № 1238 на базе Московской горной академии. Его архивы, согласно телефонной беседе автора с одним из проректоров нынешнего Государственного университета цветных металлов и золота, не сохранились, поскольку были утеряны во время эвакуации института в 1941 году.

в московском институте – неясно и загадочно. Подделать же такое количество серьезных документов просто невозможно. Впрочем, продолжим.

Рассмотрим пребывание Таврина в тылу и на фронте с момента призыва вплоть до побега и его деятельность в качестве боевого командира на основании документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО) и в Учреждении Государственный архив административных органов Свердловской области (УГААОСО). Их изучение преподнесло немало сюрпризов, зачастую практически невероятных. Некоторые бросаются в глаза сразу же, другие проявляются лишь после сравнения событий, происходивших вокруг фигуранта нашего расследования, с повседневной практикой Красной Армии периода 1941–1942 годов.

Любое пребывание военнообязанного в рядах вооруженных сил всегда начинается с его призыва, проведенного в конкретную дату и конкретным органом местного военного управления – военным комиссариатом, или военкоматом. При наличии в архивах соответствующих документов установление этих данных является элементарной задачей. Однако в деле Таврина элементарных задач, увы, нет.

Начнем с того, что в документах зафиксированы четыре (!) далеко отстоящих друг от друга места его призыва. Предупреждая вопросы читателей, отметим сразу, что речь идет не о полных тезках и однофамильцах, а об одном и том же человеке, прибывшем на службу в 28-й запасной стрелковый полк и затем отбывшем в 359-ю стрелковую дивизию. По архивам проверено, что и в полку, и в дивизии за весь период их существования был только один Петр Иванович Таврин. Честно говоря, у автора нет разумных объяснений этого теоретически и практически невозможного, но все же имевшего место явления. Естественно, один и тот же военнообязанный никак не мог быть призван почти одновременно в Черниговской, Свердловской, Горьковской и Саратовской областях СССР, поэтому постараемся оценить достоверность каждой из позиций отдельно. И начнем со Свердловской области, где, судя по всему, будущий террорист работал вплоть до самого призыва.

Кстати, некоторое недоумение вызывает сам факт его мобилизации. Дело в том, что геологи, и в первую очередь начальники изыскательских партий, от призыва освобождались, поскольку выполняли важнейшую государственную задачу по разведке и освоению месторождений полезных ископаемых. Практически все геологи-фронтовики попали в действующую армию в качестве добровольцев, причем далеко не с первой попытки. Это было совершенно оправданно, поскольку опытный геолог на своем месте мог сделать для победы намного больше, нежели в окопе с винтовкой в руках. Тем не менее Таврин оказался в числе мобилизованных.

Версия о призыве на Урале является единственной документированной и потому, скорее, становится уже не версией, а фактом. Кстати, она проливает некоторый свет на его действительное воинское звание. Вопреки позднему утверждению фигуранта о получении им лейтенантского звания в 1930-е годы, в архиве военного комиссариата города Нижняя Тура Свердловской области в «Книге учета военнообязанных, призванных в Красную Армию» за январь 1941 – декабрь 1941 года значится:

«Таврин Петр Иванович, 1909 г. р., беспартийный, ВУС-1, состав мн-1, место работы – Ис. пр., призван Волочинским ВУС 14.08.1941 г.»⁵⁹

Расшифруем две одинаковые по написанию, но различные по значению аббревиатуры. Волочинский (опечатка, на самом деле Вологинский) ВУС (военно-учетный стол) не следует путать с ВУС в значении военно-учетной специальности. По состоянию на 22 июня 1941 года ВУС-1 являлась самой базовой, составлявшей основу РККА, и именовалась про-

⁵⁹ Архивный фонд военного комиссариата г. Нижняя Тура. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 3. Л. 160.

сто: «стрелок». Условное обозначение «мн-1» расшифровывается как «младший начальствующий состав запаса 1-й категории». Это означает, что на момент призыва Таврин был всего лишь младшим командиром, к тому же еще не переаттестованным с присвоением персонального звания «младший сержант», «сержант», «старший сержант» или «старшина», утвержденного в 1940 году взамен прежних служебных категорий «отделенный командир», «младший комвзвод» и «старшина». Поскольку последние персональными званиями не являлись, при увольнении в запас они не сохранялись и потому в РВК не учитывались. В запас первой категории зачислялись только военнослужащие, уволенные в запас по отбытии срока действительной службы (статья 31 Закона СССР о всеобщей воинской обязанности), поэтому с уверенностью можно констатировать, что Таврин либо в самом деле отслужил ее, либо обзавелся военным билетом, в котором это было указано.

Забегая вперед, отметим, что в период пребывания на фронте Таврин числился получившим офицерское звание еще в предвоенный период. При этом в документах 359-й стрелковой дивизии имеются два варианта года окончания им института и соответственно получения лейтенантских петлиц: 1936 и 1939. Как мы видим, ни один из них не может считаться действительным, поскольку на момент призыва в 1941 году он офицером не являлся. Теоретически категорию не среднего, но младшего командира запаса можно было получить в период обучения в гражданском вузе. Высшая вневойсковая подготовка осуществлялась на военных кафедрах институтов и университетов, которые в период с 1930 по 1937 год готовили из студентов средних командиров. Некоторые студенты по разным причинам не могли закончить обучение и уходили из вузов. Если они успели пройти два периода военной подготовки (20-дневный лагерный сбор сразу после поступления, год военного обучения и 2-месячные лагерные сборы), их квалификация считалась достаточной для присвоения категории младших командиров запаса. После этого им была открыта дорога в школы младших лейтенантов, хотя этот путь выбирали далеко не все.

А вариант с 1939 годом вообще фантастичен, поскольку двумя годами ранее правительство приняло решение о переходе от высшей вневойсковой подготовки к первичному военному обучению всех студентов в вузах и техникумах по программе одиночного бойца с целью подготовки студентов к годичной действительной военной службе после окончания вуза. Вот после этого Таврин и в самом деле мог стать младшим командиром запаса (повторимся, только младшим, то есть не офицером). В любом случае о высшей вневойсковой подготовке речь идти не могла, в документах 359-й дивизии указана очевидная ложь. Кроме того, все варианты военной подготовки требовали от студента пребывания на стационарной форме обучения, то есть Таврин теоретически должен был провести на постоянном жительстве в Москве не менее трех лет. Упоминания об этом в судебно-следственном деле нам неизвестны, зато в архивах 21-й запасной стрелковой бригады есть запись о том, что он проучился в институте всего два года. И очень плохо со всем этим корреспондирует имеющаяся там же запись о том, что наш фигурант был уволен из РККА в 1940 году. Следовательно, на него распространялись положения не Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1938 года, а Закона СССР «Об обязательной военной службе» от 8 августа 1928 года, в соответствии с которым он должен был быть призван на срочную военную службу на два года раньше, в 1938 году.

МОБИЛИЗАЦИОННОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Военнообязанному запасу гражданину С. С. С. Р.
Мичегадас Мичегада Мичегада

Вы приписаны к 46 полевой полевой полковой части

По объявлению мобилизации Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского флота, Вы обязаны явиться на 2 день мобилизации, к 8 часам утра по адресу город Нежин

(утро или вечер) утра

За опоздание или неявку, Вы несете уголовную ответственность по закону.

При явке с собой иметь документы и вещи, указанные на обороте.

Настоящее предписание бережно хранить при военном билете.

Передавать или разглашать мобилизационное предписание кому-бы то ни было — в о с п р е щ а е т с я.

Начальник Мичегада приписного пункта.

15 марта 1941 г.

Нежин

Мобилизационное предписание, 1940 год

Второй вариант места призыва фигурирует в учетных документах 28-го запасного стрелкового полка и 21-й запасной стрелковой бригады. В них имеется любопытная запись о призыве Петра Ивановича Таврина 14 июля 1941 года в Нежинском районе Черниговской области, из которого он якобы и был родом. Ни ранее, ни позднее о Нежинском РВК не было ни единого упоминания. Установить достоверность этого не представилось возможным, поскольку на запрос автора Черниговский областной военкомат ответил, что архивы по призыву сохранились лишь с 1943 года. Таврин, как будет показано далее, скорее всего, призывался не там и не тогда, но проигнорировать факт наличия в документах полка такой записи невозможно. Как она могла появиться в них? Для понимания ситуации рассмотрим некоторые общие принципы призыва военнообязанных в СССР накануне и в самом начале Великой Отечественной войны.

Любой призывник или военнообязанный проходил приписку, в результате которой получал на руки мобилизационное предписание.

В 1941 году данное мероприятие было проведено в плановом порядке в начале года и повторно в марте – апреле как внеочередное для составления нового мобилизационного плана МП-41. Таврин, как и все военнообязанные, был зафиксирован в РВК в карточке учета военнообязанного. Мы не знаем, на какой день после начала мобилизации он должен был прибыть и куда именно, но все это отражалось в документах. К сожалению, в 1953 году прежние призывные карты новобранцев, учетные карточки военнообязанных запаса и учетно-послужные карточки рядового состава РККА были уничтожены в соответствии с директивой Генштаба. Данные из них работники военкоматов частично перенесли в книги призыва, но зачастую не все, да и не всегда аккуратно. Куда же направлялись мобилизованные? Чаще всего, приблизительно в 80 % случаев, они были напрямую приписаны к воинским частям, дислоцировавшимся в том же самом военном округе. Однако военнообязанных, как правило, было больше, чем требовалось для такого пополнения. Излишек направлялся в запасные бригады и полки, откуда впоследствии в составе маршевых батальонов и рот шел на пополнение воюющих частей. Вероятность попадания мобилизованного на Украине человека в запасной стрелковый полк на Урале хотя и не равнялась нулю, но была исчезающе малой.

Источник данных о призыве Таврина Нежинским РВК в документах 21-й зсбр и 28-го зсп неясен. Запасные части и соединения действовали в спокойных тыловых условиях, и потому учет военнослужащих в них всегда осуществлялся вполне качественно. В должном уровне их штабной культуры легко убедиться, просмотрев соответствующие архивные материалы. Поскольку предположить запись «с голоса» просто невозможно, остается единствен-

ная версия о данных, взятых из мобилизационного предписания. Оттуда они, скорее всего, перекечевали в «Служебную книжку для рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии», введенную приказом НКО СССР от 20 июня 1940 года № 171. Этот документ выдавался только военнослужащим тыловых частей и существовал до появления приказа наркома обороны СССР от 7 октября 1941 года № 330, после чего был заменен красноармейской книжкой, удостоверяющей личность рядовых и младших командиров. В ее разделы 5 и 6 вносились данные о дате и месте призыва военнослужащего. Проверить информацию в мобпредписании Таврина в данный момент невозможно, равно как и вынести суждение о том, кто и почему мог снабдить его таким странным в рассматриваемой ситуации документом.

Третий вариант места призыва будущего террориста – Ленинский РВК Горьковской области – фигурирует в наградных документах 359-й сд и в учетах безвозвратных потерь Красной Армии за 1954 год. Эта информация действительности не соответствует, что явствует из результата проверки архивов соответствующего военкомата⁶⁰. Обратим внимание на еще один поразительный факт: в сводке безвозвратных потерь дивизии, датированной 1946 годом, значился Ленинский РВК Горьковской области, а в составленной тогда же и на ее же основании карточке учета безвозвратных потерь на Таврина П. И. указан Исовский РВК Свердловской области.

Последняя версия места призыва Таврина тоже построена на документах, но крайне странных. В послевоенных учетах промелькнула и очень быстро исчезла информация о призыве его в Саратовской области. Секретным приказом Главного управления кадров Вооруженных Сил СССР от 16 сентября 1946 года № 02197⁶¹ Петр Иванович Таврин в числе других офицеров, призванных в Саратовской области, исключался из списков как пропавший без вести в 1942 году. Отметим ошибочность указания в приказе года рождения (1910), звания «лейтенант» и должности «командир взвода». Помимо этого, в одиннадцатом томе вышедшей в 1997 году Книги Памяти Саратовской области, составленной по данным местных военных комиссариатов, мы без труда находим лаконичную запись:

«Таврин Петр Иванович. Лейтенант, командир взвода, 1196-й сп. Пропал без вести май 1946»⁶².

Год пропажи без вести указан явно ошибочно, однако остальное свидетельствует о наличии в Саратовской области документов о призыве фигуранта нашего расследования.

Автор попытался разобраться с данным фактом и натолкнулся на странное обстоятельство, поставившее в тупик даже самих работников местного архива, лично участвовавших в создании указанной Книги Памяти. Они совершенно определенно подтвердили, что иного пути, кроме отыскания данных о каждом, без исключения, военнослужащем в материалах военкоматов, нет и быть не могло. Однако по состоянию на ноябрь 2008 года запись в книге призыва Петра Ивановича Таврина в системе военных комиссариатов Саратовской области отсутствовала, исчезла и сама книга, хотя в 1997 году она еще имелась. Причем книга просто исчезла, не оставив после себя ни малейших следов затребования, изъятия или уничтожения по акту. Отсутствуют данные по фигуранту нашего расследования в фильтрационных материалах и, что вполне естественно, в 15 тысячах комплектах документов по архивно-следственным делам (ст. 58 УК РСФСР в различных ее вариантах). Впрочем, последнее совершенно неудивительно с учетом осуждения Шило-Таврина Военной коллегией Верховного суда СССР, а вот непонятное исчезновение дела из военкомата заставляет предположить,

⁶⁰ Справка Ленинского РВК Нижегородской области от 6 мая 2009 года № 2/1508.

⁶¹ На данный момент приказ рассекречен.

⁶² Книга Памяти. Саратовская область. Т. XI. Саратов: Региональное Приволжское издательство «Детский мир», 1997. С. 240.

что давняя история продолжает кому-то не давать покоя и в наше время. Вспомним также официальную информацию о том, что человек с данными фамилией, именем и отчеством в Саратовской области никогда не работал и не проживал. Кто и с какой целью путал следы призыва фигуранта в Красную Армию, установить не удалось. Тем не менее сам факт таких разночтений не может не наводить на подозрения о том, что они возникли не случайно и не по банальной халатности. Причастность к этому самого фигуранта представляется невероятной, поскольку частному лицу не под силу в военных условиях на протяжении короткого времени подделать учеты военкоматов в четырех областях. И, самое главное, невозможно придумать разумное объяснение того, зачем это могло ему потребоваться.

Как бы то ни было, призыв состоялся, и Таврин попал в ряды Красной Армии. Неясно, как и где он провел конец лета и начало осени, однако по состоянию на октябрь будущий террорист оказался уже в следующей категории – среднего командного состава, в звании младшего лейтенанта. Когда он получил первичное офицерское звание, не установлено, запись об этом в нарушение всех правил сделана не была. Впрочем, это далеко не единственное нарушение.

Первый этап недолгой военной карьеры будущего террориста пришелся на 28-й запасный стрелковый полк. Он входил в состав 21-й запасной стрелковой бригады, сформированной на основании директивы штаба Уральского военного округа № МОУ/0012 от 24 июня 1941 года из 26-го (Челябинск), 28-го (Свердловск), 97-го (Уфа, лагерь Алкино) запасных стрелковых полков, 72-го запасного артиллерийского полка (лагерь Чебаркуль, Челябинская область), 18-го отдельного запасного батальона связи (Свердловск) и 10-го отдельного запасного саперного батальона (Нижний Тагил). Уже в августе 72-й зап был передан в 17-ю зсбр, вместо него в начале сентября 1941 года был сформирован 32-й зсп с дислокацией в Кургане. Запасные части являлись структурами военного времени и предназначались для подготовки личного состава, прежде всего рядовых и младших командиров, для пополнения убыли в частях на фронте и внутри страны, для подбора кандидатов для укомплектования военных училищ и для развертывания новых частей и соединений. Тыловые запасные полки подчинялись командующим войсками округов и составляли резерв главного командования для пополнения убыли полевых войск, а армейские находились в подчинении командующих армиями или командиров корпусов и составляли соответственно армейский или корпусной резерв обученного пополнения. Отметим, что средний и старший комсостав на подготовку в них не направлялся. В общем случае в 1941 году офицеры запаса в подавляющем большинстве зачислялись в резерв офицерского состава при Военном совете фронта и военного округа, где проходили краткую переподготовку перед направлением к месту постоянной службы. Позднее, в 1942 году эти резервы получили штаты и стали Отдельными полками резерва офицерского состава (ОПРОС). С учетом призыва Таврина в категории младшего комсостава он был направлен в запасный полк совершенно обоснованно.

Для целей нашего расследования материалы начального этапа военной службы Таврина исключительно интересны. В них утверждается, что его гражданское образование составляют два курса геологического института (без дальнейшей конкретизации), что со срочной службы в РККА он был уволен в 1940 году, что ВУС-1 (стрелки), с которой он якобы призывался летом в Свердловской области, каким-то образом изменилась на ВУС-2 (пулеметчики), и, самое главное, появилась запись о его военном образовании: «Школа особого назначения УПО»⁶³. Последнее проливает новый свет на всю эту запутанную историю. Сам факт существования данного военно-учебного заведения был совершенно секретным, документы о его окончании на руки никому и никогда не выдавались. Оно располагалось

⁶³ ЦАМО. Ф. 384 зсп. Оп. 244028с. Д. 1. Л. 2. Именно в этот полк был окончательно переформирован 29-й зсп.

в Харькове и полностью именовалось Школой особого назначения Украинского пограничного округа при Спецбюро ОГПУ (позднее НКВД)⁶⁴. Школу возглавлял подполковник, впоследствии полковник Максим Константинович Кочегаров, будущий начальник таких учебных заведений, как Украинская межкраевая школа НКВД СССР, Московская межкраевая школа НКВД СССР, Московский филиал Высшей школы НКВД СССР и 1-я Московская школа ГУКР «СМЕРШ». В воспоминаниях известного советского организатора и руководителя диверсионной работы полковника А. К. Спрогиса упоминается о том, что в 1930 году он и 29 других слушателей Высшей пограничной школы (ВПШ) ОГПУ после прохождения месячных специальных курсов были направлены в Ленинградский, Белорусский и Украинский пограничные округа для организации и подготовки диверсионно-партизанской работы. Задачей ШОН УПО в 1930-е годы являлась подготовка диверсантов и руководителей партизанских отрядов на случай возможной агрессии против СССР со стороны буржуазных государств. В описываемый период времени официально было введено понятие «малой войны». Этот термин, автором которого принято считать еще председателя РВСР М. В. Фрунзе, означал действия партизан и диверсантов в тылах противника, организованные за счет регулярных войск и под руководством армейских штабов. Более известна роль Красной Армии в подготовке кадров особого назначения, но ОГПУ и НКВД СССР, УССР и БССР тоже поучаствовали в этом процессе, невзирая на то, что впоследствии именно руками Наркомата внутренних дел вся эта система подверглась разгрому, а большинство выпускников диверсионных и партизанских школ и курсов в 1937 году и несколько позднее были репрессированы. Вероятно, упоминание о ШОН УПО в учетных документах полка и бригады произошло по колоссальному недосмотру, но автор крайне благодарен виновникам такой халатности. Это свидетельствует о принадлежности Таврина в предвоенный период к негласному аппарату госбезопасности, причем не на уровне осведомителя или агента сомнительной ценности. Он стоял в иерархии намного выше. Курсанты диверсионных и партизанских школ особого назначения подбирались из проверенных людей, получали допуск к секретной и совершенно секретной информации, а выпускники этих учебных заведений уже не принадлежали себе. Они обязаны были жить под легендами, ежегодно проходить секретные учебные сборы и в любой момент ждали сигнал о мобилизации или переходе на нелегальное положение. После начала войны выпускники партизанских и диверсионных школ стали цениться на вес золота. Их разыскивали и срочно зачисляли в кадры либо госбезопасности, либо военной разведки, поэтому факт направления выпускника ШОН УПО в тыловой полк может свидетельствовать или об отсутствии доверия к нему, или о прохождении им некоего этапа легендирования перед заброской в тыл противника. Строго говоря, Таврин в 1941 году мог быть уже исключен из негласного штата госбезопасности, но вероятность этого представляется невысокой. Что же касается его предыдущего пребывания в нем, то с учетом такой записи это можно считать установленным фактом. Упоминание о ШОН УПО начисто исключает возможность кулацкого происхождения или предыдущих судимостей человека, известного нам как Шило-Таврин. Возглавлявшееся Кочегаровым учебное заведение было крайне малокомплектным, одновременно в нем обучались от 10 до 12 человек, все прошлое которых тщательно проверялось буквально под микроскопом. Туда попадали только лица с безупречными анкетными данными, никакие исключения из этого строжайшего правила не допускались никогда.

⁶⁴ Спецбюро отвечало за организацию партизанских отрядов, диверсионных и разведывательных групп на случай оккупации территории СССР, подготовку кадров для них, организацию снабжения и разработку нормативных документов.

[illegible]

Запись об обучении П. И. Таврина в Школе особого назначения УПО.
Страница из должностного списка начсостава 28-го запасного лыжного полка

Абсолютно непонятно, как и откуда могла возникнуть в документах запасного полка такая запись? Кто вообще мог знать о существовании этого учебного заведения? И как этот «кто-то», обладая подобной информацией, мог не знать о возможных последствиях своих откровений, в том числе и для самого себя? Повторимся: даже название данной школы ни в коем случае не должно было фигурировать в открытых документах, это однозначно квалифицировалось как разглашение государственной тайны, да еще и в военное время.

Ненадолго возвратимся к вопросу о гражданском образовании Таврина. Похоже, что он и в самом деле получил хотя бы начальный уровень высшего образования в сфере геологии, в противном случае он никак не смог бы справиться с обязанностями начальника геолого-разведочной партии, требующими серьезной специальной подготовки. Однако если поверить тому, что учился он в Московском институте цветных металлов и золота, то вопросов ко всей этой истории становится еще больше. Увы, попытка проверки по архивным спискам студентов указанного института оказалась невозможной, поскольку его руководство сообщило автору о полной утрате документов за предвоенные годы, уничтоженных в момент подхода вермахта к столице Советского Союза. Следовательно, ни документально подтвердить, ни документально опровергнуть этот этап жизни фигуранта не представляется возможным, но настораживает ряд любопытных обстоятельств. Ни в одном из доступных нам источников нет сведений о длительном пребывании Таврина в Москве, да и сам жесткий режим прописки в столице и стокилометровой полосе вокруг нее весьма затруднял проживание там по поддельным паспортам. Кроме того, в период работы Таврина на прииске все документы института, естественно, были еще в полной сохранности, а потому самый элементарный запрос при трудоустройстве по месту учебы немедленно выявил бы все нестыковки и расхождения между реальными событиями и документальным их подтверждением.

Однако вернемся к воинской службе фигуранта. Вновь подчеркнем: как и когда Таврин стал младшим лейтенантом, неизвестно. Задокументировать его жизнь в период с момента призыва до октября 1941 года не удалось, и потому нет полной уверенности в том, что после призыва он был сразу же направлен в 28-й зсп, а не пребывал где-то еще. Однако вероятность этого достаточно высока. Скорее всего, первичное офицерское звание Таврин получил в полковой школе младших лейтенантов, попасть в которую был буквально обречен благодаря принадлежности к младшему начальствующему составу и двум курсам института. Неясно, из каких соображений после этого его оставили в постоянном составе полка и назначили командиром 2-го (стрелкового) взвода 2-й роты 2-го батальона, но все же это вписывалось в рамки разумного. Однако потом произошло нечто непонятное. Во-первых, к концу 1941 года Таврин оказался уже не младшим лейтенантом, а лейтенантом. Объяснить такой скачок в звании невозможно. Запасные полки не относились к Действующей армии, выслуга младшего лейтенанта в них составляла два года. Досрочное присвоение очередного звания

в запасных частях не производилось (разве что в качестве поощрения за совершение героического поступка или исключительно высокие личные заслуги – но при этом в документах части обязательно оставались соответствующие записи), и лейтенантом Таврин мог стать там не ранее конца лета или начала осени 1943 года. Однако по неустановленной причине уже в ноябре 1941 года он официально носил лейтенантские петлицы. Отметим, что при этом нет никакой уверенности и в полной законности ношения будущим агентом СД предыдущих «кубиков» младшего лейтенанта.

Странности со званием дополняются странностью с должностями. Личный состав всех запасных частей делился на переменный, подготавливаемый к укомплектованию действующих частей, и постоянный, предназначенный для боевой подготовки и обслуживания переменного состава. Таврин относился именно к постоянному составу и после пребывания на посту командира стрелкового взвода по недокументированным причинам внезапно оказался за штатом на должности командира хозяйственного взвода полка. Это крайне странно. Офицер может оказаться за штатом в одном из четырех случаев: (1) при ликвидации его должности, (2) при реорганизации части с понижением должностной категории, (3) при ошибочном направлении на занятую должность или (4) при увольнении в запас, если ему временно не может быть предоставлено жилье. Легко понять, что первый, второй и четвертый варианты к нашей ситуации не подходят. А вот третий, теоретически возможный, абсолютно не соответствует тяжкой осени 1941 года, когда фронт перемалывал сотни лейтенантов, и срок жизни командира взвода на передовой порой исчислялся сутками или даже часами. Действующая армия требовала постоянного пополнения средним командным составом, военкоматы захлебывались в попытке удовлетворить заявки мобилизационного управления. Любые маломальски пригодные по образованию и уровню развития бойцы направлялись на краткосрочное обучение в военные училища и очень скоро оказывались в окопах, а потом в большинстве случаев занимаемые ими должности вновь становились вакантными по причине их гибели или ранения. Даже сам по себе факт оставления молодого и физически здорового лейтенанта Таврина на службе в запасном полку довольно странен. Не менее удивителен и факт назначения офицера из командного состава на должность командира хозяйственного взвода, которую полагалось укомплектовывать административным составом (о принадлежности будущего террориста к командному составу свидетельствует его лейтенантское звание. Офицеры административного или технического состава аналогичного уровня соответственно именовались техниками-интендантами или воентехниками 2-го и 1-го рангов). А уж заштатное пребывание на ней Таврина совершенно непостижимо. Допустим даже, что он был назначен командиром хозяйственного взвода по ошибке. Что за беда? Один приказ по бригаде – и лейтенант во главе маршевой роты везет пополнение на фронт, где остается уже в качестве штатного командира подразделения. Но нет, в катастрофической обстановке поздней осени и напряженной обстановке зимы 1941/42 года он продолжает «висеть» за штатом хозвзвода запасного полка и на передовую отбывает лишь в конце января. Долгое пребывание офицера за штатом без видимых причин (к примеру, если не планируется наступление с неизбежными высокими потерями штатных командиров и освобождением вакансий, чего в запасном полку быть не могло по определению) является верным признаком того, что он был кому-то очень нужен именно на этом месте. Либо же был не нужен ни на каком другом. Периодически так сохранялась на оперативно значимом участке важная агентура военной контрразведки. Кроме того, именно в запасных частях проходили обучение многие агенты и диверсанты и их группы, причем как военной разведки, так и органов госбезопасности.

Но, наконец, необъяснимому пребыванию уже лейтенанта Таврина в тылу пришел конец. 5 января 1942 года он во главе 145-го маршевого батальона отправился на Калининский фронт, где был зачислен в 359-ю стрелковую дивизию.

Изучение архивных материалов этой дивизии, равно как и архивов 1196-го стрелкового полка, куда Таврин попал позднее, способно сильно удивить даже подготовленного исследователя. По сравнению с ними меркнут непонятности и несуразности периода тыловой подготовки, которые хотя бы не противоречили друг другу. Сразу же следует отметить хотя и не единичный, но все же достаточно нерядовой и примечательный факт отсутствия в ЦАМО личного дела Таврина и его учетно-послужной карточки (УПК). Их местонахождение установить пока не представилось возможным, притом серьезные сомнения вызывает сам факт существования таких документов, судя по всему, отсутствующих и в его судебно-следственном деле. Доказать отсутствие чего-либо всегда сложно, но в данном случае отсутствие личного дела и УПК в 359-й сд в 1942 году весьма убедительно доказывается косвенными свидетельствами. Как известно, учетно-послужная карточка хранится в штабе и служит основанием для совершения всех записей об офицере в строевой части, в отделе кадров, в финчасти и прочих подразделениях штаба и управления дивизии. Случаи отсутствия УПК отмечались у военнослужащих, получивших офицерские звания на фронте и вскоре после этого погибших, но к ситуации с Тавриным это неприменимо. Ее просто не было – и все. Не исключено, что в 28-м запасном стрелковом полку личное дело и УПК Таврина имелись, но, во всяком случае, на фронт вместе с ним они не прибыли.

114. Таврин Борис 4/18/39

Общ. разл. 3-й кл.

Формы № 13
Формы № 13
Формы № 13

УЧЕТНО-ПОСЛУЖНАЯ КАРТОЧКА

Полосинский

Фамилия

Имя

Отчество

1. Год рождения 1939

2. Народность русский

3. Родной язык русский

4. Социальное происхождение

5. Место рождения Одесса

6. Место жительства Одесса

7. Семейное положение

8. Адрес семьи

9. Гражданская специальность

10. Степень физической подготовки

11. Доброволец с 194 г.

12. Каким военкоматом призван

13. Степень годн. к воен. службе

14. Срок службы 194 г.

15. Образование

16. Политическая принадлежность

17. Образование

18. Образование

19. Образование

20. Образование

21. Образование

22. Образование

23. Образование

24. Образование

25. Образование

26. Образование

27. Образование

28. Образование

29. Образование

30. Образование

31. Образование

32. Образование

33. Образование

34. Образование

35. Образование

36. Образование

37. Образование

38. Образование

39. Образование

40. Образование

41. Образование

42. Образование

43. Образование

44. Образование

45. Образование

46. Образование

47. Образование

48. Образование

49. Образование

50. Образование

51. Образование

52. Образование

53. Образование

54. Образование

55. Образование

56. Образование

57. Образование

58. Образование

59. Образование

60. Образование

61. Образование

62. Образование

63. Образование

64. Образование

65. Образование

66. Образование

67. Образование

68. Образование

69. Образование

70. Образование

71. Образование

72. Образование

73. Образование

74. Образование

75. Образование

76. Образование

77. Образование

78. Образование

79. Образование

80. Образование

81. Образование

82. Образование

83. Образование

84. Образование

85. Образование

86. Образование

87. Образование

88. Образование

89. Образование

90. Образование

91. Образование

92. Образование

93. Образование

94. Образование

95. Образование

96. Образование

97. Образование

98. Образование

99. Образование

100. Образование

Типичная учетно-послужная карточка военнослужащего.
Лицевая сторона

[illegible]

Типичная учетно-послужная карточка военнослужащего.
Оборотная сторона

На стр. 116–117 приводится образец правильно заполненной УПК произвольно взятого военнослужащего. Совершенно очевидно, что при ее наличии в штабе подразделения никакие разночтения в документах появиться не могут.

А с учетом Таврина в 359-й дивизии и в самом деле творилось нечто необъяснимое, что и заставляет предположить отсутствие в штабе его учетно-послужной карточки с четко и недвусмысленно вписанными данными. Друг другу противоречат наградные листы, учетные книги, финансовые документы. Для наглядности самые явные расхождения сведены в табличную форму:

Источник	Год рождения	Военное образование	Звание	Домашний адрес
Книга учета офицерского состава 1196 сп	1913	—	Лейтенант	Свердловская область, Исовский район, деревня Карелино
Штатно-должностная книга офицерского состава 1196 сп	1909	ВВП, 1939 год	Ст. лейтенант, 1936 год (!)	То же
Книга регистрации офицерского состава 359 сд	1909	То же, институт Цветмет	Ст. лейтенант	—
Безвозвратные потери офицерского состава 359 сд	1913	—	Ст. лейтенант	«Родственников нет»
Денежный аттестат № 1025 1196 сп	—	—	Лейтенант	Свердловск, ул. Шарташская, д. 9, кв. 33

Как видим, заполнение этих документов не могло производиться по данным из одного источника. Не забудем также, что в 28-м зсп и 21-й зсбр считалось, что Таврин получил воен-

ное образование в Школе особого назначения Украинского пограничного округа, в дивизии же все упоминания о ней исчезли безвозвратно. Но вот это как раз вполне объяснимо.

В данном контексте возникает любопытный вопрос о том, каким образом все эти разночтения и противоречия не просто попали в документы дивизии, но и остались незамеченными? Только очень наивные и совершенно не информированные люди могут полагать, что делопроизводство в штабе и управлении дивизии остается вне внимания контрразведки. В 1942 году работники Особых отделов постоянно гласно проверяли все учетные записи и дублировали это указаниями своей агентуре, плотность которой в подобных подразделениях была весьма высокой. Любопытно, что именно в рассматриваемый период начальник Особого отдела НКВД Калининского фронта старший майор госбезопасности Н. Г. Ханников распорядился всемерно усилить изучение личного состава и активизировать агентурное наблюдение за военнослужащими, особенно уроженцами временно оккупированных противником районов СССР. Таврин именно таковым и являлся. Ханников письменно требовал от своих подчиненных нацелить агентурный аппарат на заблаговременное выявление подозрительных обстоятельств вокруг бойцов и командиров, исключение возможностей совершения предательств и выявление подозрительных по шпионажу, диверсиям и терроризму. Кроме того, 26 февраля 1942 года НКВД СССР разослал по Особым отделам указание № 66 об усилении оперативно-чекистской работы по выявлению агентуры разведорганов воюющих с СССР стран и потребовал от них наладить такую организацию агентурно-оперативной работы, которая обеспечивала бы невозможность проникновения агентов противника в войска, штабы и учреждения Красной Армии. В свете всего этого учетные записи личного состава многократно проверялись и перепроверялись, но бросающиеся в глаза несуразности отчего-то не привлекли внимание контрразведки.

Зафиксировав перечисленные странные разночтения, рассмотрим недолгое пребывание Таврина на передовой, куда он, кстати, ехал необъяснимо долго – целый месяц. 5 февраля 1942 года он прибыл на Калининский фронт, где в составе 30-й армии вела бои 359-я стрелковая дивизия. Лейтенантское звание, отсутствие какой-либо особой военной квалификации или высокого покровительства, хорошее состояние здоровья, казалось бы, предопределяли направление его в окопы, командиром одного из взводов. Тем более, что таковые в описываемый период, увы, требовались дивизии в большом количестве. Вот что гласит об этом официальная «История 359-й стрелковой Ярцевской краснознаменной ордена Ленина дивизии»:

«В конце января 1942 года приказом войскам Калининского фронта дивизия, потерявшая к этому времени свыше 60 % своего состава, была переброшена в район действий 30 Армии, приняла участие в боях на подступах к Ржеву. Прodelав 115-километровый марш, дивизия сосредоточилась в районе ВОСКРЕСЕНСКОЕ – РАДЮКИНО. К этому времени 29 Армия, развивая наступление на РЖЕВ, передовыми частями подошла к МУРАВЬЕВО, что 5 клм западнее РЖЕВА. Кольцо вокруг РЖЕВА должно было сомкнуться со дня-на-день. Не сумев оборонять растянутые коммуникации, 29 Армия была отрезана от соседних армий и попала в окружение. Задачей всей 30 Армии, и нашей дивизии в частности, было соединиться с частями 29 Армии.

Приказом Штарма 30 № 07 от 5 февраля дивизии ставилась задача уничтожить противника в СОЛОМИНО и ЛЕБЗИНО, овладеть БРОДНИКОВО и наступать в направлении СВИНИНО – ЧЕРТОЛИНО. Неудавшиеся полностью сосредоточиться подразделения дивизии были сразу же брошены в бой, в результате которого СОЛОМИНО было взято. Неоднократные контратаки противника были отбиты подошедшим 1196 сп.

Кровопролитные бои разгорелись за ЛЕБЗИНО, оборонявшееся эсэсовцами. Рубеж был хорошо укреплен, подступы к нему хорошо простреливались и просматривались. В бой

вводилось мало обученное и почти необученное пополнение, в результате чего под ЛЕБЗИНО погибло полностью два батальона лыжников. Бои за ЛЕБЗИНО шли с 11 по 15 февраля, деревня несколько раз переходила из рук в руки. Все же после многократных атак 1196 сп овладел ЛЕБЗИНО, а 1198 сп – ГУСЕВО... Немцы непрерывно контратаковали подразделения полков, стремясь вернуть потерянные опорные пункты (число контратак доходило до 10 в день)»⁶⁵.

По состоянию на конец марта дивизия потеряла более 15 тысяч человек⁶⁶. Казалось бы, в этой обстановке лейтенант-общевойсковик должен быть прямой дорогой отправлен на заполнение взводной вакансии. Но нет, он попадает в интендантский отдел дивизии, хотя эта работа весьма специфична, офицеров для нее в СССР специально готовили только Омское, Симферопольское и Ярославское интендантские училища. При этом и в интендантстве Таврин опять-таки пребывает за штатом. Ситуация странная до крайности: в боях дивизия практически ежедневно теряет средних командиров первой линии, оставшиеся в строю часто замещают выбывших старших начальников, маршевые пополнения расхвываются с молниеносной быстротой, их дефицит ощущается постоянно, а полный сил лейтенант из командного состава с числящейся по документам приличной, еще довоенной, то есть не ускоренной высшей вневойсковой подготовкой пребывает на административной должности. При этом, к примеру, весной 1942 года в 1196-м полку той же самой дивизии взводы сплошь и рядом возглавляют младшие командиры: старшины, старшие сержанты и даже сержанты. Красноречивее всего о сложившейся ситуации говорит журнал боевых действий дивизии:

«12.2.42... К концу дня в полках оставалось: в 1196 сп – 55 чел; 1198 сп – 60 чел. Для пополнения частей произведено сокращение тыловых учреждений. Собрано 200 ч. и направлено в полки»⁶⁷.

Таврин в число этих двухсот человек не вошел, хотя среди направленных в окопы наверняка были более нужные дивизии специалисты, чем числящийся за штатом интендантства лейтенант.

В соответствии с приказом по армии, 359-я стрелковая дивизия продолжала наступление, буквально захлебываясь в собственной крови:

«16.2.42... По предварительным данным в полках осталось: в 1198 сп – около 100 штыков, в 1196 сп – около 30 штыков. Командного состава всех звеньев в полках нет. В бою 16.2 ранен командир 1198 сп майор Минеев и вновь назначенный командиром этого полка капитан Дамаскин. Орудийные расчеты орудий стреляющих прямой наводкой почти полностью выведены из строя. Связисты в основном выбиты»⁶⁸.

В это же время Таврин спокойно занимается интендантскими делами. Продолжим чтение буквально кричащих записей журнала боевых действий.

«23.2.42... Пополнение необученное, в стрелковых частях совершенно нет нач. состава»⁶⁹.

В строевых частях не было командиров, но будущий перебежчик по-прежнему сохранял должность в интендантстве. Причем за штатом. Создается полное ощущение того, что чья-то невидимая рука мягко и настойчиво отводила его от рисков и опасностей передовой. При этом, что достаточно интересно, в двух раздаточных ведомостях, покрывающих первые

⁶⁵ ЦАМО. Ф. 1679 (359 сд). Оп. 1. Д. 10. Л. 6, 7.

⁶⁶ Там же. Л. 27 об.

⁶⁷ Там же. Л. 16 об.

⁶⁸ ЦАМО. Л. 17 об.

⁶⁹ Там же. Л. 18 об.

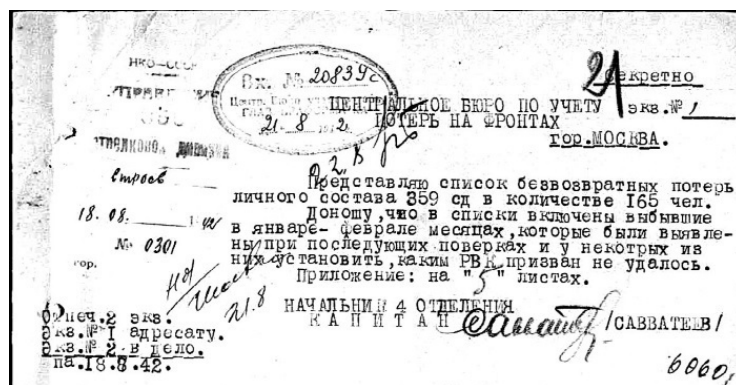
пять месяцев 1942 года, должностной оклад и полевые деньги выплачивались Таврину как командиру взвода⁷⁰, то есть налицо явное и серьезное финансовое нарушение.

Здесь следует специально оговорить, что в период Великой Отечественной войны были известны случаи неоправданного нахождения за штатом тыловых подразделений лиц, не имеющих к этому отношения. С подобными явлениями кадровые службы вели решительную борьбу, но все они касались привлечения офицеров для личного обслуживания командиров, о чем в нашем случае речи нет. Имел место и другой процесс, при котором командиры частей всемерно старались сохранить у себя результативных снабженцев, но вся активность таких осуществлялась, естественно, вне части. Эти люди направлялись в тыл с заявками на материальные ценности, однако в архивных фондах 359-й дивизии нет следов командирования Таврина за пределы ее расположения. Следовательно, оба упомянутых резона в данном случае приняты во внимание быть не могут, да и не до командирования снабженцев в тыл было тогда в ржевской мясорубке.

Наконец, на передовой все успокоилось. В оперативных сводках штаба суточные потери начали фиксироваться на уровне от нуля до 1–4 погибших на всем фронте дивизии. И одновременно закончился, наконец, заштатный период пребывания Таврина в штабе, ему доверили насчитывавшую три взвода транспортную роту. Не стоит полагать, что лейтенант получил в подчинение группу грузовых автомашин и отчаянных водителей, маневрирующих по фронтовым дорогам под огнем неприятельской артиллерии или уклоняющихся от штурмовых атак истребителей. Все было намного прозаичнее. Весной 1942 года транспортные роты стрелковых полков были исключительно гужевыми, под началом у Таврина оказались только кони, повозки и ездовые. Его техническое образование было здесь абсолютно бесполезным, но зато по сравнению с линейными подразделениями существенно уменьшалась опасность попасть под обстрел. Кроме того, если Таврин действительно принадлежал к агентурному аппарату, это давало возможность спокойно подготовить его заброску, уточнить и конкретизировать условия перехода и позволить агенту примелькаться личному составу полка.

На этой спокойной должности будущий террорист пребывал до мая, после чего ситуация вновь и опять-таки достаточно странно изменилась. Казалось бы, 15 мая 1942 года Таврин принял под свое начало транспортную роту 1196-го стрелкового полка, что прямо и недвусмысленно указано в изданном 19 мая приказе № 110 по личному составу 359-й стрелковой дивизии. Однако вышедший 2 июня приказ по личному составу № 118 утверждает лейтенанта Таврина Петра Ивановича в должности командира 2-й пулеметной роты 1196-го сп с 12 мая, то есть *ранее* того времени, когда он (якобы?) возглавил транспортную роту того же полка и *после его пропажи без вести*. И, кстати, когда, по другим документам, он был уже старшим лейтенантом. Соответствующий пункт приказа 110 отменен не был. Как это понимать – неизвестно. Ясно лишь то, что в случае с Тавриным странности, неясности и нестыковки преследуют исследователя буквально на каждом шагу.

⁷⁰ ЦАМО. Ф. 1196 сп. Оп. 12560. Д. 6. Л. 71, 207, 217 об – 218, 261#261 об.

№	Фамилия Имя Отчество	Звание	Регистр. №	Дата рождения	Место рождения	Дата смерти	Место смерти	Причина смерти	Судьба
60.	Савватеев Николай Иванович	ар-н	✓	1909	Дзержинск, об. Ступинский	Убит 20.7.42	Дзержинск, об. Ступинский	Убит	Убит
61.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
62.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
63.	Савватеев Николай (Савватеев)	ар-н	✓	1906	Челябинск, об. Кузнецкий	Убит 20.7.42	Челябинск, об. Кузнецкий	Убит	Убит
64.	Савватеев Александр Иванович	ар-н	✓	1902	Дзержинск, об. Ступинский	Убит 20.7.42	Дзержинск, об. Ступинский	Убит	Убит
65.	Савватеев Николай (Савватеев)	ар-н	✓	1906	Челябинск, об. Кузнецкий	Убит 20.7.42	Челябинск, об. Кузнецкий	Убит	Убит
66.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
67.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
68.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
69.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
70.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
71.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
72.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
73.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
74.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
75.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
76.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
77.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
78.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
79.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
80.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
81.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
82.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
83.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
84.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
85.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
86.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
87.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
88.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
89.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
90.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
91.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
92.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
93.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
94.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
95.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
96.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
97.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
98.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
99.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит
100.	Савватеев Павел Васильевич	ар-н	✓	1910	Томск	Убит 20.7.42	Томск	Убит	Убит

Донесение строевого отдела дивизии (№ 0301 от 18.08.1942 г.) в Центральное бюро по учету потерь на фронтах (вх. № 20839с от 21.08.1942 г.) и страница приложенного к нему списка безвозвратных потерь 359-й стрелковой дивизии. Под № 70 указан ст. лейтенант Таврин П. И.

Внимательнее присмотримся к непонятной чехарде со званиями. Как видим, 2 июня в штабе дивизии Таврина считают по-прежнему лейтенантом. В этом же звании мы встречаем его в приказе о награждении медалью «За отвагу» № 017/Н от 22 мая 1942 года, произведенном Военным советом 30-й армии, и в финансовых документах полка, последний из которых датирован 20 мая. А вот в штатно-должностной книге офицерского состава дивизии он значится старшим лейтенантом, причем годом присвоения этого звания указан 1936⁷¹, равно как и в книге регистрации офицерского состава отдела кадров дивизии⁷². Старшим лейтенантом назван Таврин и в списках безвозвратных потерь. Так что вопрос о его последнем звании остается открытым, поэтому в данной книге он именуется старшим лейтенантом в некоторой степени условно.

Возвращаясь к теме должности, отметим, что, судя по представлению к награждению, пулеметной ротой Таврин действительно командовал, хотя и крайне недолго. Похоже, в мае 1942 года было решено, что пора перевести его поближе к немецким позициям. На этом посту Таврин даже отличился и был награжден, если судить по документам. Впрочем, в этом тоже имеется ряд неясностей. Согласно представлению командира и комиссара 1196-го сп, во время немецкой атаки 17 мая Таврин лично уничтожил трех врагов и ранил одного,

⁷¹ ЦАМО. Ф. 1679 (359 сд). Оп. 2. Д. 6. Л. 117 – об., 118.

⁷² Там же. Д. 16. Л. 185 – об., 186.

захватил пулемет, автомат и три винтовки, своим мужеством и храбростью способствовал отражению атаки противника. Слов нет, поведение героическое, хотя, возможно, в скупом на награды 1942 году и не вполне тянущее на орден Красной Звезды. Наверное, именно поэтому Военный совет армии подкорректировал это и утвердил награждение медалью «За отвагу». В журнале боевых действий дивизии данная атака немцев зафиксирована и описывается довольно подробно:

«17.5.42 в 20.45 противник открыл сильный артиллерийский, минометный огонь по переднему краю обороны дивизии, сосредоточил особенно сильный огонь по Мал. Нелюбино, Нелюбино. В артподготовке участвовало около 4 дивизионов артиллерии и 8 батарей минометов. В 21.00 противник огонь перенес [в] глубину нашей обороны: на Гусево, Крутики, Пайково, Свеклино.

Поставив дымовую завесу от Кошкино до рощи «Подкова», прикрываясь этой завесой, силою свыше 800 человек пехоты повел наступление на Мал. Нелюбино, Нелюбино отдельными группами по 40#50 человек каждая. Подпустив первые 4 группы на расстояние 80#100 метров, подразделения 2 б-на 1196 сп открыли ружейно-пулеметный огонь. Противник не выдержал натиска и стал откатываться. Огнем нашей артиллерии отступающий противник был накрыт, и остатки его обратились в бегство в рощу «Трапедия» – на свои исходные.

Положение 22.30 – атака противника была отбита с большими для противника потерями.

Наши потери: уточняются.

Огнем нашей артиллерии была уничтожена минометная батарея противника в роще на юго-вост. Лебзино. Зажжен склад боеприпасов в Тяплово и склад боеприпасов в р-не д. Костерово.

Трофеи: винтовок Маузер – 4 шт»⁷³.

Как видим, ни о каких захваченных пулеметах или автоматах речи нет. Не упоминаются они и в последующие дни. Поэтому приходится принимать во внимание три возможные версии такого расхождения: (1) трофеи действительно захвачены, но не показаны в общем учете по дивизии и скрыты в полку для собственных нужд; (2) трофеи не захвачены, а сам подвиг либо вымышлен, либо сильно преувеличен; (3) трофеи не захвачены, но внесены в представление командиром и комиссаром полка с целью убедить Военный совет армии наградить достойного, по их мнению, офицера. В настоящее время не представляется возможным вынести обоснованное суждение по данному вопросу. Следует лишь отметить, что в наградном листе и книге учета награжденных, а позднее и в одном из протоколов допроса Таврин значится кандидатом в члены ВКП(б), тогда как во всех и более ранних, и более поздних документах он проходит как беспартийный. Скорее всего, кандидатом будущий террорист стал перед самым переходом к противнику, но интересно здесь другое. В связи с предстоявшим вступлением в ВКП(б) Таврин не побоялся подвергнуться новым проверкам, на этот раз по партийной линии, и это однозначно свидетельствует о том, что он был уверен в безупречности своих биографических данных, классового происхождения и в отсутствии претензий к себе со стороны спецслужб. Весьма примечательный факт.

⁷³ ЦАМО. Оп. 1. Д. 9. Л. 40 об., 41.

10

Список вх. № 22404 ч/к

1. Фамилия Таврин
Имя и отчество Петр Иванович
2. Военное звание ст. лейтенант
3. Должность и наименование части ком. взв. 1196 стр полка
4. Год рождения 1910 партийность _____
С какого года в Красной Армии _____
5. Когда и по какой причине выбыл из взв. в мае 42 г.

10

6. Фамилия, имя и отчество, адрес жены или родителей Таврина Анна Петровна Саратов. обл. ст. Вр. Кадак 1/1 Ар. караул ч. у. дивизии
7. Уроженец Киевской обл. д. 4
района _____ сельсовет _____
Каким РВК призван исполн. Свердлов. обл.
8. Где похоронен _____
Приказ ГУК НКО № 02197 6 16.9. 1942 г.
20
Подпись заполнявшего карту Мин
Подпись проверявшего карту _____
Донесение поступило от _____ Исх. № _____
ИТ МВС СССР 4108-46

Карточка учета безвозвратных потерь на П. И. Таврина, 1946 год

11

Список № 20839 ч/к

1. Фамилия Таврин
Имя и отчество Петр Иванович
2. Военное звание ст. лейтенант
3. Должность и наименование части командир роты 359 стр. дивизии
4. Год рождения 1913 партийность _____
Стаж службы в Красной Армии преж.
5. Когда и по какой причине убит БЕЗ ВЕСТИ 12.6.42.
ЕСТЬ ИРР. КАРТА

6. Фамилия, имя и отчество, адрес жены или родителей _____

7. Уроженец *x/ Горьковской обл.*
x/ призв. Ленинским РВК

8. Где похоронен _____

Приказ № *0833/128* Выписка выслана в _____

Подпись заполнявшего карточку *Покровский*

x/осн. док. 208396-42

ИЧ НКО-2811-42

Карточка учета безвозвратных потерь на П. И. Таврина, 1954 год

Выявившееся в процессе изучения документов 359-й сд и 1196-го сп по Таврину обилие нестыковок, ошибок, неточностей, а также просто нарушений заставляет серьезно задуматься о причинах этого явления. Объяснить его банальным разгильдяйством или полным отсутствием штабной культуры невозможно по двум причинам. Во-первых, случайная выборка данных по десяти другим офицерам этой же дивизии ничего подобного не показала, все происходило и оформлялось должным образом. Во-вторых, что еще более доказательно, связанные с Тавриным документы других военных учреждений тоже не менее странны. Взять, к примеру, две оформленные на него в 1946 и 1954 годах карточки учета безвозвратных потерь.

Для наглядности расхождения сведены в таблицу:

Год составления карточки	1946	1954
Год рождения	1910	1913
Звание	лейтенант	старший лейтенант
Должность	командир взвода 1196 стр. полка	командир роты 359 стр. дивизии
Пропажа без вести	Май 1942	Июнь 1942
Уроженец	Киевской области	Горьковской области
Призван	Исовским РВК Свердловской области	Ленинским РВК Горьковской области
Родственники	бабка Родина Анна Дорофеевна, проживающая: Саратовская обл., ст. Аркадак, ул. Элеваторская, дом № 4	нет
Основание	приказ Главного управления кадров Вооруженных сил № 02197 от 16 сентября 1946 года	форма № 0833/128 от 30 сентября 1942 года

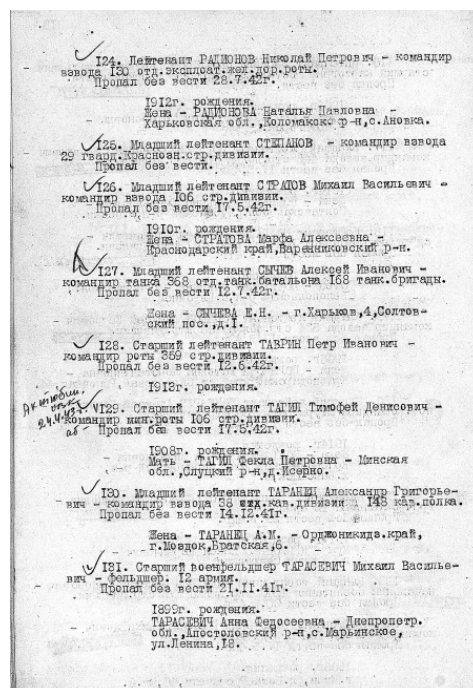
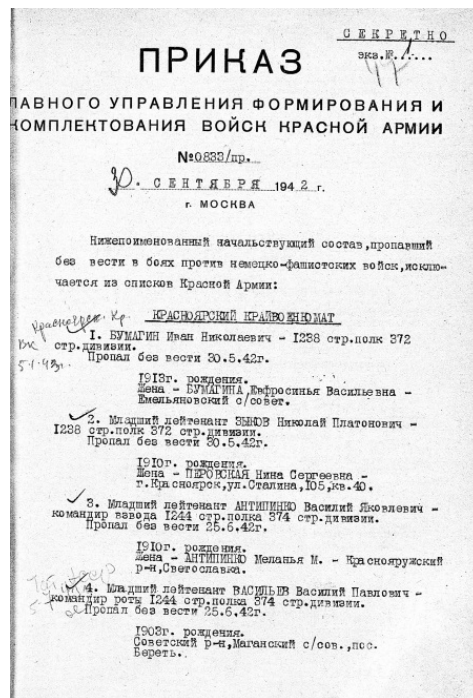
Следует задаться вопросом об источнике информации, на основании которого были заполнены данные карточки. С первой все относительно ясно. В марте 1946 года Министерство Вооруженных Сил СССР, в которое был переформирован Наркомат Обороны СССР, издало директиву о начале работы по сбору сведений о не вернувшихся с войны. Военкоматы в своих зонах ответственности при поддержке местных властей направили переписчиков во все дома и квартиры для опроса жильцов и просмотра имеющихся у них похоронков, писем, открыток, справок и прочих документальных материалов. На основании этих

опросов составлялись ведомости, отличавшиеся невысоким уровнем точности. Именно по указанной причине впоследствии они были пересмотрены, уточнены и при необходимости исправлены. Следует отметить крайне важное обстоятельство: такие справки составлялись исключительно по сообщениям кого-либо из родственников, поскольку при отсутствии таковых заявить о пропавшем было просто некому. Совершенно ясно, что в данном случае источником информации о Таврине являлась упомянутая А. Д. Родина, а последующая карточка составлялась уже с учетом официальных сведений, имевшихся в распоряжении военных. Как видим, МГБ не поделилось с ними информацией о том, что судьба Таврина оказалась вовсе не такой уж неопределенной. Впрочем, с учетом того, что в 1946 году он содержался во внутренней тюрьме Министерства госбезопасности без имени, под номером, удивляться этому не следует.

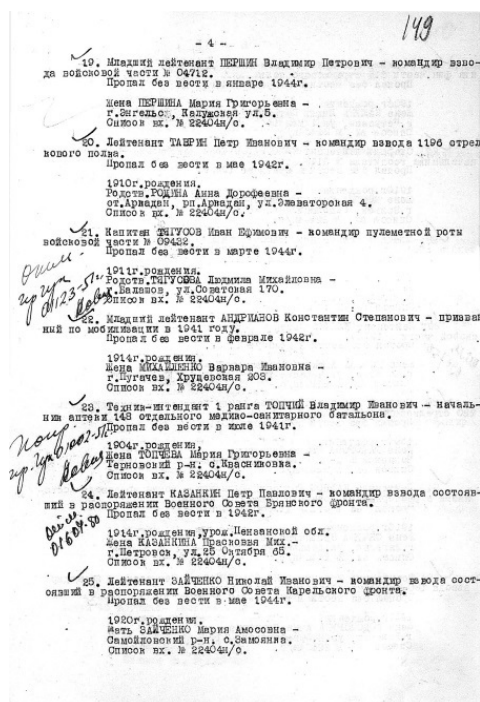
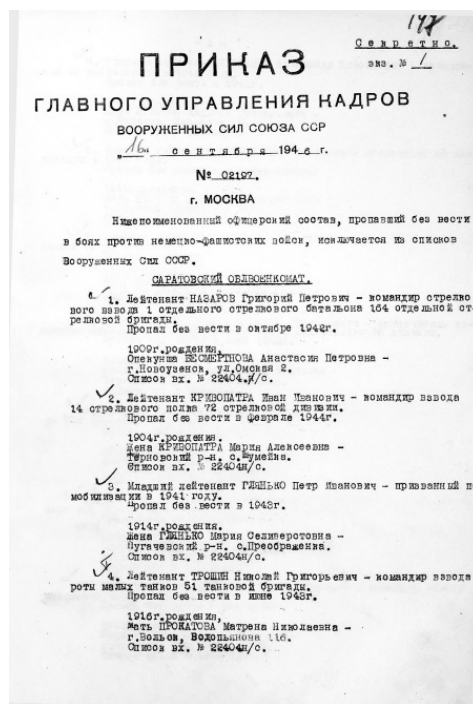
Необходимо обратить внимание на тот факт, что в более поздней, казалось бы, уточненной карточке основанием для внесения информации служит форма 1942 года, тогда как приказ ГУК МВС 1946 года, на который ссылается более ранняя карточка, по каким-то причинам игнорируется. А теперь самое время вспомнить о загадочной записи в именном списке безвозвратных потерь офицерского состава 1196-го сп, в которой впервые появляется информация о рождении Таврина в 1913 году в Починках Починковского района Горьковской области и из которой исчезли все упоминания о его родственниках, еще несколько месяцев назад проходивших по учетам того же самого полка. Как мы установили, эта информация является неверной. И она же всплывает во второй карточке учета безвозвратных потерь, что, впрочем, неудивительно, поскольку основанием для ее составления как раз и явился упомянутый именной список. Такое странное появление новых и неожиданных сведений, впервые зафиксированных уже после того, как Таврин пропал без вести, вкупе с игнорированием факта наличия установочных данных на обеих его женах и бабушку, весьма похоже на стремление поглубже спрятать информацию о судьбе пропавшего без вести офицера.

Кстати, это привело к еще одному любопытному последствию. В 1952 году никто не удосужился проинформировать военное министерство об осуждении и казни Таврина, числящегося в военкомате пропавшим без вести, поэтому уже в наше время он официально вошел в списки павших защитников Родины. 30 сентября 1942 года Главное управление формирования и укомплектования войск (ГУФиУВ) выпустило приказ № 0833/пр⁷⁴, согласно которому бывший командир роты 1196-го сп старший лейтенант Петр Иванович Таврин, 1913 года рождения, исключался из списков офицерского состава как пропавший без вести 12 июня 1942 года.

⁷⁴ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 57. Л. 20.

Страницы приказа 0383/пр от 30 сентября 1942 года. Под № 128 – ст. лейтенант Таврин П. И.

Страницы приказа № 02197 от 16 сентября 1946 года. Под № 20 – лейтенант Таврин П. И.

Примечательно, что четыре года спустя он же (но 1910 года рождения!) по этой же причине был исключен из этих же списков приказом Главного управления кадров Вооруженных Сил СССР № 02197 от 16 сентября 1946 года⁷⁵. Как видим, военные так ничего и не узнали от чекистов о судьбе своего бывшего офицера. Именно в качестве пропавшего без вести он и был внесен, как уже отмечалось, в Книгу Памяти Саратовской области.

⁷⁵ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 31. Л. 4.

Перечисленные обстоятельства наталкивают на важные выводы. Как мы видели, Петр Иванович Таврин был призван летом 1941 года якобы сразу четырьмя военкоматами в четырех различных областях УССР и РСФСР: Черниговской, Горьковской, Свердловской и Саратовской. Ни один из специалистов, с которыми консультировался автор, не смог не только объяснить причины этого, но даже выдвинуть хоть какую-нибудь версию. Вопрос о четырех одновременных призывах остается открытым. Сам Таврин сделать это никак не мог. Абстрактно и теоретически это могло быть результатом деятельности спецслужбы, легендировавшей свою операцию и путавшей следы, но никакого смысла в этом нет. Разведка или контрразведка скорее выработали бы единую правдоподобную и трудно проверяемую легенду и позаботились бы о ее единообразном применении во всех частях и учреждениях.

Существенно другое. Никакая спецслужба не могла бы выдумать и поселить на станции Аркадак старушку, которая в 1946 году дала бы при опросе ложные сведения. Следовательно, Анна Дорофеевна Родина действительно существовала, как существовал и ее внук, некий Петр Иванович Таврин. Более того, все включения военнослужащих в аналогичные списки и ведомости разрешались только при наличии справки из соответствующего военкомата о том, что данный человек был призван именно им. Если заявитель проживал в одной области с разыскиваемым военнослужащим, справку выдавал военкомат на месте без участия заявителя, а вот если область была другой, последний должен был озаботиться получением соответствующей справки. Поскольку Родина заявила о факте призыва своего внука в Свердловской области и поскольку это нашло отражение в карточке без отметки «со слов...», можно быть уверенным, что у нее имелась соответствующая справка или хотя бы свидетельство третьих лиц (что допускалось).

38623

1. Фамилия, имя, отчество Таврин Петр Иванович

2. Национальность русский

3. Звание: дата присвоения званием и степеней Владимирский

4. Родился 1910 г. 10 мес. 10 дня

5. Место рождения Л.т.

6. Социальное положение

7. Партийность

8. Образование

9. Служба в старой армии

10. Служба в белой армии и в иностранных армиях (если в иностранных армиях указывается в том случае, если офицер одновременно не служил в Советской армии)

11. Был ли в плену, окружении – когда, где и сколько времени (не указывать в карточке, указывается только на выходящих из плену или из окружения)

12. Присвоен офицерский звание: Л.т. Чей приказ Л.т. № 10 Дата 10.10.1910

13. Участие на фронтах

14. Ранения и контузы

15. Награды (ордена и медали)

16. Семейное положение в браке Адрес семьи г. Аркадак ул. Железнодорожная 4

17. Уд. личн. серия Л.т. № 10 дата выдачи 10.10.1910

Уд. личн. серия Л.т. № 10 дата выдачи 10.10.1910

[illegible]

Послужная карточка офицера П. И. Таврина

[illegible][illegible]

Нормально заполненная послужная карточка офицера

[illegible]

Нормально заполненная послужная карточка офицера

А это означает, что имя «Таврин» оказалось не простой пустышкой, выдумкой авантюриста или контрразведки, а соответствовало человеку из плоти и крови. Значит, справка из черкасского областного архива означала лишь то, что человек с такими фамилией, именем и отчеством не родился в селе Бобрик в период 1908–1910 годов. Но если предположить, что на допросе в контрразведке арестованный лгал (впрочем, как и в немецком плену) относительно не имени, а года и места рождения, ситуация сразу же оборачивается иной стороной.

Допустим, что в более позднюю карточку попали уточненные данные, хотя не по всем пунктам этому можно поверить. Но как тогда объяснить безобразное оформление другого важнейшего документа – послужной карточки офицера (не путать с отсутствующей учетно-послужной карточкой)? Она вообще поражает воображение исследователя, поскольку содержит лишь фамилию, имя и отчество, год (без даты) рождения – 1910 (обратим внимание, с учетом ранее фигурировавшего 1909 года это уже третья официальная версия года рождения Таврина), звание – лейтенант (без указания, чьим приказом и когда присвоено). В карточке отсутствуют данные в важнейших графах об образовании, участии в боевых действиях, наградах, а также откуда и с какой должности вступил в вооруженные силы. Относительно прохождения службы карточка лаконично сообщает лишь: «Кр взв 1196 сп», а далее сообщается о пропаже Таврина без вести в мае 1942 года. Родственница офицера указана даже не по фамилии, а просто двумя инициалами, что вообще невозможно и непонятно. Словесное описание не может передать все впечатление от документа, поэтому здесь помещается его фото и для сравнения – фото нормально заполненной послужной карточки на произвольно взятого военнослужащего. Думается, вместо пространных комментариев следует просто внимательно рассмотреть и сравнить эти документы. Различие совершенно разительное.

Вероятно, объяснять ничего не требуется.

* * *

Как видим, подробное изучение архивов военного ведомства наглядно свидетельствует, что с пребыванием Таврина на фронте, как и со всей его предыдущей биографией, дело обстояло весьма странно. Неопровержимые документы не только не укрепляют доверие к материалам последующего следствия в НКВД/НКГБ, но весьма убедительным образом опровергают многие его выводы.

Впрочем, в дальнейшем «дело Таврина» разворачивалось еще любопытнее.

Переход

Документально установлено, что в ночь с 29 на 30 мая 1942 года старший лейтенант Таврин перебежал в расположение германских войск. Для дальнейшего расследования первоначально важным является рассмотрение причин и обстоятельств такого шага. При этом пока допустим, что в следственных материалах зафиксированы показания именно подследственного, а не то, что надиктовали ему следователи. Как мы увидим в дальнейшем, всю данную историю следует рассматривать при разных допущениях, но начнем с первого.

Итак, на допросе в НКГБ СССР подследственный мотивировал свой переход на сторону противника страхом перед неминуемым разоблачением, что и было зафиксировано в протоколе:

«Вопрос: – Медицинским осмотром вас установлено, что кроме «ранений», о которых вы только что показали, других ранений на теле не имеется, следовательно, ваши показания о том, что вы захвачены в плен немцами, будучи ранеными, ложны?

Ответ: – Да, я должен это признать.

Вопрос: – При каких же обстоятельствах вы в действительности очутились у немцев?

Ответ: – 30 мая 1942 года, находясь на Калининском фронте и будучи послан в разведку, я изменил Родине и добровольно перешел на сторону немцев.

Вопрос: – Почему вы изменили Родине?

Ответ: – Должен признать, что я скрыл от следствия еще один факт.

Вопрос: – Какой именно?

Ответ: – В 1932 году, работая в гор. Саратове, я был арестован за растрату 1300 рублей государственных денег. В связи с тем, что меня должны были предать суду, по закону от 7 августа 1932 года, я, боясь строгой ответственности бежал из тюрьмы, проломав с группой арестованных стену в тюремной бане. В 1934 и 1936 г. г. я также арестовывался милицией за растраты, но в обоих этих случаях совершал побег. В 1939 году я по фиктивным справкам получил документы на имя ТАВРИНА и под этой фамилией впоследствии был призван в Красную Армию.

Находясь на Калининском фронте, 29-го мая 1942 года я был вызван к уполномоченному Особого отдела капитану ВАСИЛЬЕВУ, который интересовался, почему я переменял фамилию ШИЛО на ТАВРИНА.

Поняв, что Особому отделу стали известны мои преступления, я, боясь ответственности, на следующий день, будучи в разведке, перешел на сторону немцев.

Вопрос: – Непонятно, почему вы боясь ответственности за совершенные ранее уголовные преступления решились на новое, тягчайшее преступление – измену Родине?

Ответ: – Я полагал, что это не станет известным советским властям, а я до конца войны останусь у немцев на положении военнопленного»⁷⁶.

⁷⁶ Убить Сталина // Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1993. № 3. Далее данный протокол допроса цитируется без добавочных ссылок.

Л. Ф. Райхман

А. М. Леонтьев

В. Я. Барышников

Для неискушенного читателя все это звучит правдоподобно и, во всяком случае, вполне мотивированно. Однако у проводивших допрос комиссаров ГБ 3 ранга Л. Ф. Райхмана (НКГБ) и А. М. Леонтьева (НКВД) и полковника В. Я. Барышникова («СМЕРШ») подобные утверждения должны были вызвать, по меньшей мере, скептическую улыбку, и уж во всяком случае – подтолкнуть их к дальнейшим расспросам. Однако этого, как ни странно, не произошло, и потому выяснением сомнительных обстоятельств придется заняться нам.

Для начала попробуем взглянуть на ситуацию глазами профессионального контрразведчика с использованием имеющихся у нас фактов. Информация о сокрытии Тавриным факта смены фамилии означала, что данный командир пулеметной роты 1196-го стрелкового полка 359-й стрелковой дивизии, скорее всего, использует подложные документы, следовательно, выдает себя за другого человека. Иначе говоря, к оперуполномоченному Васильеву

поступил сигнал. По действовавшим правилам его полагалось проверить, а при наличии выявившихся достаточных оснований и для дальнейшей углубленной проверки – завести дело оперативной проверки (ДОП), запросить все инстанции, провести установку личности фигуранта от церкви, в которой его крестили, до последнего места работы перед призывом или службы во время войны (если это была другая часть). При отсутствии в распоряжении контрразведки фотографии офицера организовывалось мероприятие, к примеру, с приездом в часть корреспондента армейской газеты. Негласное документирование и остальные первичные оперативные мероприятия проводились в рамках предварительного негласного расследования, которое полковой контрразведчик даже не имел права вести самостоятельно: таковые осуществлялись согласно плану, утвержденному начальником Особого отдела дивизии. Проверяемый обставлялся агентурой и ни в коем случае не отпускался в места, из которых мог исчезнуть, не говоря уже о направлении в зафронтовую разведку, в особенности если он не имел к ней никакого отношения. О проводящейся проверке обязательно информировались вышестоящий командир и комиссар с целью исключения возникновения двусмысленных ситуаций по службе. Если сигнал окончательно подтверждался, по результатам проверки начиналось расследование. Все это проводилось негласно, объект ни в коем случае не должен был ни о чем догадаться и насторожиться. И только после полного сбора уличающих доказательств его вызывали или приводили для первого допроса в землянку Особого отдела, откуда он в худшем случае уже без ремня и погон отправлялся в ОО дивизии для проведения следствия, а в лучшем – на фильтрацию. То есть беседа являлась последней, завершающей фазой, причем это было строго обязательно. Ни один, даже самый неопытный, прошедший на курсах элементарное обучение основам оперативно-разыскной деятельности контрразведчик не мог поступить иначе, в противном случае он совершал *преступление*, причем в боевой обстановке.

Более того, любую проводимую органами безопасности проверку непременно сопровождает параллельное осуществление комплекса мероприятий по недопущению вреда, который теоретически способен нанести проверяемый. С этой целью объект под правдоподобным предлогом переводится с ответственного участка на другой, где исключаются и сама возможность совершения им противоправных действий, и доступ его к сведениям, содержащим государственную или военную тайну. Командир пулеметной роты на фронте знает всю систему обороны батальона, а отчасти и полка, все секторы обстрела, расположение замаскированных пулеметных точек, условные сигналы, до него доводятся все боевые приказы, он осведомлен об общей обстановке в части, уровне ее боеспособности, степени обеспеченности боеприпасами и о многом другом. Имеющиеся в его распоряжении схема обороны батальона и рабочая карта командира уже сами по себе являются секретными документами. В подобных случаях проверяемых офицеров временно переводят на другую должность без допуска к грифованной информации или отправляют в командировку в тыл с одновременным установлением за ними наблюдения, благо обстановка на фронте в описываемый период позволяла сделать это без проблем, и возврат Таврина в транспортную роту выглядел бы совершенно логично.

Кстати, данное обстоятельство заставляет задуматься еще об одном аспекте всей этой более чем сомнительной истории. Допуск любого гражданина к секретам является крайне сложной, громоздкой и при этом еще с 1920-х годов детально разработанной процедурой, повторявшейся, без преувеличения, миллионы раз и отточенной до полного совершенства. Любой офицер на строевых должностях, тем более в действующей армии, имеет допуск не ниже категории «Секретно». Это означает, что при первоначальном прохождении оформления допуска в его отношении запрашивались все без исключения организации и инстанции, по всем адресам проживания и работы, и при обнаружении малейших отклонений или противоречивости данных Шило или же Таврин не только не получил бы соответствующую

должность, но и немедленно был бы разоблачен. Кстати, именно поэтому живущие по подложным документам здравомыслящие люди избегают ответственных должностей как огня. Создать новую биографию, способную выдержать спецпроверки, под силу только государственным органам, но никак не беглому бухгалтеру-растратчику, пожелавшему стать офицером.

Стоит подумать и о том, зачем, собственно, оперуполномоченный Особого отдела мог беседовать с Шило и выяснять у него причины перемены фамилии? Вопрос этот совершенно не так прост, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что беседа офицера контрразведки с объектом может осуществляться только в нескольких, строго оговоренных случаях, должна преследовать вполне конкретные цели и заканчиваться тоже по одному из ограниченного числа сценариев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.